

КЛЮЧИ ОТ КОРОЛЕВСТВА

• ГАРТНИКС •

• КНИГА ПЕРВАЯ •

МИСТЕР ПОНЕДЕЛЬНИК

Ключи от Королевства

Гарт Никс

Мистер Понедельник

«Азбука-Аттикус»

2003

УДК 087.5
ББК 84(8Авс)-44

Никс Г.

Мистер Понедельник / Г. Никс — «Азбука-Аттикус»,
2003 — (Ключи от Королевства)

ISBN 978-5-389-18964-5

Когда твоя семья переезжает в другой город, первое время всегда приходится нелегко: новая школа, новые одноклассники, новый дом. Артур и не надеялся, что все пройдет гладко. Но чего он точно не ожидал, так это того, что в первый же день начнутся чудеса. И что ему, Артуру, придется отправиться в таинственный Дом, который мог видеть только он один, одолеть могущественного Мистера Понедельника, стать законным наследником Королевства и обладателем первого из Семи Ключей... Нет, Артур вовсе не был героем и не искал приключений. Просто случилось так, что он был единственным, кто может прийти на помощь. Книги Гарта Никса давно оценили по достоинству юные читатели во всем мире. Впрочем, взрослые тоже читают их с удовольствием. И неудивительно, ведь его фантастические миры всегда уникальны, а приключения, которые выпадают на долю героев, всегда неожиданны. «Мистер Понедельник» – первая книга цикла «Ключи от Королевства».

УДК 087.5
ББК 84(8Авс)-44

ISBN 978-5-389-18964-5

© Никс Г., 2003
© Азбука-Аттикус, 2003

Содержание

Пролог	6
Глава 1	11
Глава 2	18
Глава 3	23
Глава 4	28
Глава 5	34
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Гарт Никс
Мистер Понедельник
Ключи от Королевства
Книга 1

Garth Nix

MISTER MONDAY

Text copyright © 2003 by Garth Nix

This edition is published by arrangement
with Jill Grinberg Literary Management LLC
and The Van Lear Agency LLC

All rights reserved

Перевод с английского Марии Семёновой

Оформление обложки Татьяны Павловой

© М. В. Семёнова, перевод, 2005

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2020

Издательство АЗБУКА®

© Серийное оформление.

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2020

Издательство АЗБУКА®

* * *

*Анне и Томасу,
а также всем моим родным и друзьям*

Пролог

...Они пытались совсем уничтожить Волеизъявление, но это оказалось им не по силам. Тогда они рассеяли Волеизъявление, разрушив его тело и дух. Оно было разъято на части физически, то есть попросту разорвано, и ключья толстого пергамента оказались разбросаны во времени и пространстве. Развеян оказался и дух Волеизъявления, ибо ни один из его пунктов так и не был исполнен.

Замысел коварных Доверенных Лиц в том и состоял, чтобы такое положение дел сохранилось на веки вечные. И, дабы это обеспечить, семь обрывков Волеизъявления были спрятаны со всем мыслимым тщанием.

Первый и самый маленький кусочек пергамента влили в толщу прозрачного кристалла, твердостью превосходившего алмаз. Затем кристалл поместили в ящик из неразбиваемого стекла. Ящик же – в клетку из серебра и малахита. Эта клетка была установлена на поверхности одного из выгоревших солнц, при самом окончании времен.

Кругом клетки выставили недреманную стражу – дюжину часовых, сработанных из металла. Каждый из них встал на соответствующей отметке циферблата, изваянного из плоти мертвой звезды резцом вечного света.

Этих часовых создали ради одного-единственного дела – охраны пергаментного клочка. Внешне они отчасти напоминали людей, только вдвое большего роста, а кожа их состояла из светящейся стали. Были они подвижны и гибки, словно коты, а руки их кончались не кистью с пальцами, как у людей, но мечами, растущими из запястий. Каждый часовой отвечал за промежуток между своим часом и следующим, а предводитель распоряжался ими, стоя на цифре двенадцать.

Часовые находились в ведении тщательно подобранного отряда инспекторов. Эти последние были низшие существа, которые никогда не посмели бы подвергнуть сомнению действия надругавшихся над Волеизъявлением. Раз в сто лет один из инспекторов посещал мертвое солнце, дабы убедиться, что клочок благополучно пребывает взаперти.

Однако эпохи сменяли одна другую, и с течением времени инспекторы несколько обленились. Появляясь, они большей частью лишь мельком прищуривались на клетку, приветствовали часовых – и вновь исчезали. Часовым, которые вот уже десять тысяч лет неустанно вышагивали между делениями циферблата, весьма не нравилось столь наплевательское отношение к делу. Но жаловаться было не в их природе, да, собственно, и возможности такой у них не имелось. В случае чего они могли поднять тревогу. Но не более того.

Часовые успели повидать множество разных инспекторов, ненадолго появлявшихся на сгоревшей звезде. Больше никто их не навещал. Никто не пытался похитить или вызволить доверенный им фрагмент Волеизъявления. Так что смело можно сказать: за все эти десять тысяч лет ровным счетом ничегошеньки не произошло.

А потом настал день, ничем не отличавшийся от трех с половиной миллионов минувших дней, и явился инспектор, отнесшийся к своим обязанностям гораздо серьезнее предшественников. Прибыл он точно так же, как и все они: просто возник за пределами циферблата. Шляпа сидела на нем набекрень, чуть не сбита перемещением, однако он крепко сжимал в кулаке свой мандат, держа его таким образом, чтобы сразу видна была золотая печать. И не зря. Часовые дернулись все разом, оборачиваясь к новоприбывшему, руки-мечи затрепетали: ну наконец-то!.. Ибо бумага с печатью подтверждала полномочия инспектора лишь наполовину. Всегда имелся шанс, что он не сумеет произнести пароль, оставленный предшественником, – и тогда-то заждавшиеся клинки часовых взвоятся настолько стремительно, что глаз не успеет за ними проследить...

Нет, конечно же, часовые обязаны были предоставить инспектору минутку на то, чтобы собраться с мыслями. Все знают, что перемещение во времени и пространстве – дело нешуточное. У кого угодно голова может кругом пойти, и у смертных, и у бессмертных!

Впрочем, данный конкретный инспектор имел вид весьма непрезентабельный. Он явился в довольно заурядном человеческом облике недавно располневшего мужчины средних лет. Физическое тело было облачено в синий сюртук, залоснившийся на локтях и запачканный чернилами у правого обшлага. Белая рубашка инспектора выглядела не особенно свежей, а скверно повязанный зеленый галстук не прятал сбившегося воротничка. Цилиндр у него на голове также видывал лучшие времена. Он был помят и отчетливо клонился налево. Когда инспектор приподнял его, здороваясь с часовыми, наружу выпал сэндвич, завернутый в газетку. Инспектор подхватил падающий бутерброд и сунул во внутренний карман сюртука.

– Ладан, сера, сострадание – я инспектор на задание! – без запинки выговорил он заветные слова.

И вновь вскинул мандат, показывая печать.

Двенадцатичасовой крутанулся на месте, показывая, что пароль и мандат приняты и подтверждены. Потом приветственно скрестил руки-мечи. Раздался звук, какой бывает, когда точат ножи. Инспектор поневоле вздрогнул и вежливо помахал ему.

– Приблизься, инспектор! – без всякого выражения проговорил Двенадцатичасовой и тем исчерпал ровно половину своего запаса слов.

Инспектор кивнул и осторожно ступил с диска перемещения на отвердевшую тьму, составлявшую вещество мертвого солнца. Между прочим, он озаботился надеть Бестелесные Ботинки (замаскированные под туфли без задников) во избежание искривляющего воздействия здешней материи, – хоть и убеждало его начальство, что-де мандат с печатью защитит его более чем надежно. Еще он не преминул подобрать диск перемещения, ибо тот был его личным любимцем. Диск представлял собой большую сервировочную тарелку из тончайшего костяного фарфора, разрисованную фруктами, – в противоположность обычным овалам из полированного янтаря. Между прочим, пользоваться фарфоровым предметом значило подвергать себя определенному риску, ведь фарфор весьма хрупок; однако тарелка была очень красива, и для инспектора это кое-что значило.

Теперь надо сказать, что даже инспекторам запрещалось заходить во внутреннюю часть циферблата, отграниченную золотой линией за кругом цифр. Новоприбывший осторожно миновал Двенадцатичасового и остановился у запретной черты. Серебряная клетка выглядела по-прежнему несокрушимой. Стекланный ящик пребывал в целости, сохранности и незамутненной прозрачности. Внутри отчетливо виднелся кристалл...

Как тому и надлежало быть.

– Ну что ж, похоже, все в порядке, – пробормотал инспектор.

С явным облегчением он вытащил из кармана сюртука маленькую коробочку, открыл ее и привычным движением сунул в правую ноздрю толику нюхательного табака. Это был новый сорт табака, подарок вышестоящего деятеля.

– Да, да, все в полном... – повторил он.

А потом произвел совершенно немыслимый чих, качнувшись на месте и едва не застыв за черту. Часовые разом подпрыгнули и крутанулись к нему. Лезвия Двенадцатичасового с шипением пронесли в каком-то дюйме от инспекторского лица. Тот отчаянно размахивал руками, сиюсь удержать равновесие, и наконец это ему удалось. Линия осталась ненарушенной.

– Премного извиняюсь... жуткая, отвратительная привычка! – пропищал инспектор, поспешно пряча коробочку в самый дальний карман. – Эй, не забывайте, что я инспектор! Вот мой документ! Вот печать!

Часовые вновь принялись размеренно вышагивать. Руки Двенадцатичасового опустились к бокам, более не угрожая.

Инспектор извлек из рукава большой штопанный носовой платок и утер взмокшее лицо. И вот тогда-то, промокая пот, он увидел – или ему померещилось, – как нечто скользнуло по поверхности циферблата. Нечто маленькое, тоненькое, темное. Он моргнул, отнял платок от лица... Нет, больше ничего не было видно.

– Полагаю, докладывать не о чем? – нервно осведомился инспектор.

В этой должности он состоял недавно: всего четыреста лет без десятилетия. И ранг у него был невысокий – инспектор четвертого порядка. Почти всю свою карьеру – то бишь чуть не с самого Первоначала Времен – он провел в качестве привратника Третьей Задней Приемной. А прежде того...

– Докладывать не о чем, – ответствовал Двенадцатичасовой.

И тем была исчерпана вторая половина его словарного запаса.

Что ж, инспектор вежливо приподнял шляпу... однако смутная забота омрачала его совесть. Все-таки он ощущал... что-то. Какую-то неправильность. Увы, наказание за ложную тревогу было столь чудовищно, что идти на поводу у неоформленных ощущений определенно не стоило. Его, к примеру, могли вновь разжаловать в привратники. Или, даже хуже того, сделать материальным. Лишить памяти и возможностей – и сунуть в одно из Второстепенных Царств в качестве живого, дышащего ребенка...

Конечно, тому, кто прохлопает нечто существенное, наказание полагалось куда более суровое. Материальность – но в теле, даже отдаленно не напоминающем человеческое. Или существование в мире, напрочь лишенном разумной жизни. Но даже и это не было самым скверным, что могло с ним случиться. Ему могли предначертать судьбу до того жуткую, что разум категорически отказывался представить.

Инспектор еще раз оглядел клетку, стеклянный ящик и кристалл. Потом вооружился театральным биноклем и приставил его к глазам. Нет, никаких признаков не порядка. И потом, случись что, неужели часовые не углядели бы?

Он отступил прочь, покидая циферблат, и прокашлялся.

– Все в порядке. Хорошая работа, часовые! – сказал он. – Вот вам пароль для следующего инспектора: «Пальма, тис, благоуханье – я инспектор на заданье!» Поняли? Отлично. Ну что ж, я отбываю!

Двенадцатичасовой молча отсалютовал. Инспектор вновь притронулся к шляпе, повернулся на пятках и опустил наземь свою тарелку перемещения, бормоча слова, которые должны были перенести его в Дом. Согласно правилам ему надлежало проследовать через Бюро Необычных Деяний на пятьдесят пятом этаже и обо всем доложить. Однако он продолжал чувствовать смутное беспокойство, а посему решил напрямик отправиться на двадцать пятый этаж – в свой собственный уютный кабинет, к чашечке горячего чаю. Там можно будет обо всем поразмыслить...

– Со звезды, где света нет, – снова в лампы яркий свет, со звезды, где вечно ночь, поскорей умчимся прочь!

Но прежде чем он успел поставить ноги на диск, нечто маленькое, тощее и невероятно черное пронеслось поперек золотой черты, прямехонько между ногами Двенадцатичасового, через левый Бестелесный Ботинок инспектора – и вперед него вспрыгнуло на фарфоровую тарелку. Синие и зеленые нарисованные фрукты ярко вспыхнули... и тарелка исчезла, унося с собой маленькое черное существо. Остался лишь небольшой завиток дыма, гнусно пахнущего паленой резиной.

– Тревога! Тревога! – закричали часовые и, оставив циферблат, сгрудились вокруг места, где только что лежала тарелка.

Руки-лезвия метались во всех направлениях, а внутри металлических тел захлебывались нескончаемым звоном двенадцать невероятно громких будильников. Инспектор испуганно съежился и, всхлипывая, закусил уголок носового платка. Он наконец-то сообразил, что это было за черное существо. Он все-таки успел узнать его, когда оно стремительно пронеслось у него под ногами, и это узнавание было поистине ужасно.

Существо представляло собой строчку рукописного текста. Строчку текста с того самого пергаментного клочка, который до сих пор вроде бы покоился вплавленным в неразрушимый кристалл, в ящике из неразбиваемого стекла, заключенном в клетку из малахита и серебра... недвижимо покоился на поверхности погасшей звезды, под охраной двенадцати металлических часовых...

Теперь ничто из вышеперечисленного уже не соответствовало истине.

Один из фрагментов Волеизъявления умудрился сбежать.

Сбежать по его вине.

И что еще хуже, фрагмент при этом коснулся его, чиркнув по телу инспектора сквозь Бестелесный Ботинок. Так что теперь инспектор знал, о чем там говорилось, – а ему никоим образом не положено было этого знать. А самое потрясающее было то, что Волеизъявление призвало его к истинному служению. И он понял – понял в самый первый раз за бесчисленные тысячелетия, – как глубоко неправильно все происходило.

– «В ведении доброго моего Понедельника оставляю я дела Нижнего Дома, – шептали губы инспектора. – И пусть он блюдет их, доколе Наследник либо представители такового не призовут Понедельника должным образом сдать все должности, владения, принадлежности и права, которые я сим ему доверяю...»

Часовые слышали его, но не понимали. А может, даже и не слышали – так громко звучали встроенные сигналы тревоги. Обшарив место происшествия, они рассредоточились, тщетно обыскивая поверхность своей звезды. Из глаз каждого били лучи яркого света, рассекавшие тьму. Звезда, к слову, была совсем невелика – не более тысячи ярдов в диаметре, – то есть можно и обыскать. Беда только, удравший фрагмент был уже далеко. Инспектор знал: он наверняка успел покинуть его комнаты и теперь разгуливал по Дому.

– Мне необходимо вернуться, – сказал он себе самому. – Волеизъявление нуждается в помощи. Правда, диска у меня больше нет, так отправимся же окольной дорогой...

Он в очередной раз сунул руку за пазуху – и вытащил крылья. Грязные, облезлые крылья высотой почти в его собственный рост. Он давненько ими не пользовался и даже удивился, увидев, в каком они состоянии. Перья пожелтели и растрепались, длинные маховые выглядели ненадежными... Делать нечего, инспектор пристегнул крылья на положенное место у себя за плечами и опасливо сделал несколько шагов, проверяя, способны ли крылья к работе.

Он был увлечен приготовлениями к полету и оттого не заметил, как внутри циферблата полыхнула яркая вспышка, оставившая после себя сразу двоих. Эти новые персонажи также пользовались человеческим обликом (как то диктовала мода, царившая в Доме), но были выше, стройнее и красивее инспектора. Опрятные черные сюртуки, туго накрахмаленные рубашки, высокие воротнички, аккуратнейшие темно-красные галстуки на полтона светлее шелковых жилеток. Черные цилиндры так и блестели. И каждый из двоих держал в руке резную трость черного дерева с серебряным набалдашником.

– Куда собрались, инспектор? – поинтересовался тот из двоих, что был выше ростом.

Инспектор ошарашенно обернулся, крылья сразу обвисли.

– Хотел доложить, сэр... – пробормотал он. – Сами видите, сэр... Докладать непосредственному начальству... а также Рассвету Понедельника... или даже самому Мистеру Понедельнику... если он того пожелает...

– Мистер Понедельник и так все очень скоро узнает, – ответил рослый джентльмен. – Вы поняли, кто мы такие?

Инспектор отрицательно замотал головой. Он, конечно, догадался, что они были из числа высших чиновников Фирмы, – стоило только посмотреть на их одежду и ощутить веявшую от них силу. Однако ни имен, ни должностей он не взялся бы назвать.

– Вы, наверное, со сто шестидесятого этажа? – промямлил он нерешительно. – Из исполнительной службы Мистера Понедельника?

Рослый джентльмен улыбнулся и вытащил из жилетного кармашка сложенную бумагу. Будучи поднята в руке, та развернулась сама собой, и печать сверкнула так ярко, что инспектору пришлось прикрыть лицо и даже пригнуться.

– Как видите, мы служим более высокому Повелителю, чем Понедельник, – сказал джентльмен. – И вы сейчас отправитесь с нами.

Несчастный инспектор сглотнул и сделал шаг вперед. Один из двоих проворно натянул белоснежные перчатки и сдернул с плеч инспектора крылья. Те сразу начали уменьшаться, пока не стали размером с голубины, и джентльмен убрал их в плотный конверт, возникший прямо из воздуха, а потом запечатал конверт прикосновением большого пальца. Из-под пальца послышалось шипение. Запечатанный конверт он вручил инспектору. Тот нервно прижал его к груди, искоса поглядывая на своих спутников, а на конверте проступило слово УЛИКА.

Джентльмены между тем согласно взмахнули тросточками, вычерчивая в воздухе дверь. Когда все было готово, воздух задрожал, сгустился... и перед ними появились самые настоящие лифтовые двери, снабженные скользящей решеткой и бронзовой кнопкой вызова. Один из двоих нажал кнопку – и за решеткой, откуда ни возьмись, материализовалась кабина.

– Я не полномочен ездить на лифте исполнительной службы... равно как и подниматься вверх выше Записей... – беспомощно блеял инспектор. – И конечно, я ни в коем случае не... не полномочен... спускаться ниже Чернильных Подвалов...

Джентльмены отодвинули решетку и жестом предложили инспектору зайти в лифт. Там, внутри, все было обито зеленым бархатом, а одну из стен сплошь покрывало множество маленьких кнопок.

– Но мы же не будем спускаться? – еле слышно выдавил инспектор. – Не будем?..

Высокий улыбнулся. Улыбка вышла холодной, потому что в ней не участвовали глаза. Он поднял руку, и рука жутковато защелкала, удлиняясь на добрых два ярда, чтобы дотянуться до кнопки в самом верхнем правом углу.

– Туда?.. – ахнул инспектор, преисполнившийся благоговения даже невзирая на страх. Он уже чувствовал, как слабеет внутри его мимолетное влияние Волеизъявления, и понимал, что теперь все равно ничего поделать нельзя. Удравшим словам придется действовать в одиночку. – Туда?.. На самый верх?..

– Да, – в унисон ответили два джентльмена.

И с лязгом захлопнули лифтовую решетку.

Глава 1

Первый день Артура Пенхалигона в новой школе не заладился с самого начала. Мало того что ему пришлось приступить к учебе на две недели позже всех остальных, так еще и в новом, незнакомом месте, к которому он вынужден был привыкать на ходу. Его семья только-только переехала в город, так что Артур пока не успел ни с кем познакомиться. И вообще не знал ничего, что делает привычную жизнь такой простой и удобной.

Ну вот, например, он понятия не имел, что ученики седьмого класса каждый понедельник перед большой переменной обязательно бегут кросс. А как раз сегодня был понедельник. Кросс являлся строго обязательным, если только родители ученика не договаривались о его освобождении от пробежки. Естественно, делать это надо было заранее.

Артур попытался объяснить учителю физкультуры, что он только-только оправился после нескольких очень серьезных приступов астмы. И вообще всего несколько недель, как выписался из больницы. А кроме того, у него не было с собой спортивного костюма. Он так и вышел одетым в обычную школьную форму и стоял дурак дураком: серые штаны, белая рубашка с галстуком, кожаные ботинки. Ну не в подобном же одеянии отправляться на кросс?

Между тем вокруг носилась и вопила орава примерно из сорока подростков, и, должно быть, поэтому учитель – звали его мистер Вейтман¹ – расслышал лишь вторую половину объяснений Артура.

– Послушай, парень, – рявкнул он. – Правила писаны для всех. В чем явился, в том и беги. Если только ты не болен!

– Так я действительно болен, – повторил Артур.

Но тут кто-то громко завизжал: рядом с ними подрались две девочки. Они вцепились друг дружке в волосы и принялись лягаться. Мистер Вейтман сунул в рот свисток и пронзительно свистнул.

– Что за поведение, Сюзан! – оглушительно гаркнул он. – Быстренько отпусти Таню!.. Вот так. Ладно, маршрут вы знаете. Обегаете спортплощадку справа, потом через парк, вокруг статуи, потом обратно через парк и мимо арены, только с другой стороны. Все ясно? Первые трое на финише сразу отправляются обедать, остальные сперва вымоют пол в зале. Ну-ка, выстроились... я сказал, выстроиться, а не ворон в небе считать! Встань в строй, Рик! Все готовы? А теперь по моему свистку...

«Один я не готов», – подумал Артур. И решил больше не жаловаться учителю и, несмотря ни на что, бежать вместе со всеми. Он и так по определению был здесь чужаком, белой вороной, и ему не хотелось окончательно превращаться в изгоя. К тому же Артур был оптимистом. Уж до финиша он как-нибудь доберется!

Он посмотрел на овал спортивной площадки, потом на густые заросли, примыкавшие к ней. Это у них называется парком?.. По мнению Артура, больше похоже на джунгли. Там никто не увидит, там он, если понадобится, сможет передохнуть. А до леса он пробежит точно. Никаких проблем.

Подумав так, Артур нащупал в кармане ингалятор и уверенности ради погладил пальцами прохладный металл и пластик. Как же ему не хотелось им пользоваться! Не хотелось вообще зависеть от лекарств и медицинских устройств... Вот он и угодил тогда в больницу именно из-за того, что отказывался сунуть в рот ингалятор, пока не сделалось слишком поздно. И с тех пор дал родителям твердое обещание, что больше не будет так поступать.

---

¹ «Вейтман» в переводе с английского означает «тяжеловес» – фамилия учителя физкультуры весьма соответствует его профессии, а возможно, и телосложению. (Примеч. ред.)

Учитель дунул в свисток, и ученики сорвались с места. Каждый отправился в путь по-своему. Самые крепкие и хулиганистые мальчишки помчались как выстреленные, пихаясь, вопя и отчаянно набирая скорость. Но, как они ни мчались, очень скоро их обогнали юные спортсменки, ведь в этом возрасте они повыше мальчишек, да и ноги у них подлиннее. Девчонки с легкостью уплыли вперед, морща носики и отворачиваясь от «жалких обезьян», с которыми они были вынуждены учиться в одном классе.

За лидерами худо-бедно поспевали другие ребята, мальчики и девочки строго отдельно. Самыми последними двигались пофигисты, лентяи и те, кто считал себя слишком продвинутым, чтобы сдавать дурацкие кроссы. Эти категории Артур не взялся бы строго разграничить.

Сам он все-таки побежал, поскольку не нашел в себе мужества пойти пешком. И он уже догадывался, что в продвинутые его вряд ли зачислят. А кроме того, следом за всеми уже рысил мистер Вейтман. И на бегу сурово порицал каждого, кто пытался перейти на шаг.

– Не думай, что отказ от участия в кроссе сойдет тебе с рук! – орал он на кого-то. – Давай, давай, шевелись, не то весь класс подведешь!

Артур покосился через плечо, желая посмотреть, насколько действенны попреки учителя. Один из отставших нехотя затрусил, но остальные продолжали двигаться прогулочным шагом. Вейтман возмущенно отвернулся от них и прибавил ходу. Вот он догнал Артура и «среднячков» и стал быстро приближаться к умчавшимся вперед любителям спорта... Артур успел уже сообразить, что ему попался учитель физкультуры из тех, что любят выпячивать свое превосходство над учениками-подростками. «Наверное, – подумал он невесело, – это оттого, что у взрослых бегунов ему никогда выиграть не удавалось...»

Минуты три или даже четыре после того, как Вейтман умчался вперед, Артур худо-бедно держался наравне с последней группой бегунов, изрядно опередив топавших шагом. Но – вот и началось то, чего он боялся! – с каждым шагом ему становилось все труднее наполнять легкие воздухом. Легкие просто отказывались раздуваться в груди, как если бы их уже наполняло что-то постороннее и для воздуха не оставалось места. Артуру не хватало кислорода, он бежал все медленнее и постепенно отставал, так что его почти догнали пешеходы. Дыхание становилось все более поверхностным, мир сузился кругом него, и вот уже он мог думать только о том, как бы сделать следующий вдох и поставить одну ногу хоть чуть впереди другой...

А потом – Артур просто не понял, в какой момент это произошло, – он обнаружил, что его ноги вовсе прекратили движение. Он больше не бежал. Он лежал на траве и смотрел в небо. Он смутно сообразил, что, должно быть, на мгновение отключился. И упал.

– Эй, ты что? Передышку устроил или случилось что-нибудь? – спросил чей-то голос.

Артур попытался было ответить, что у него все в порядке (хотя некоторая часть рассудка вовсю была тревогу и прямо-таки криком кричала о беспорядке). Голос, однако, не повиновался ему. Из рта вырывалось лишь частое, задышающееся сипение.

«Ингалятор! Ингалятор! Ингалятор!!!» – зывала встревоженная часть разума. Артур решил прислушаться к ней и принялся шарить в кармане, отыскивая заветный металлический цилиндр с пластиковым мундштуком. Он хотел поднести его ко рту... но рука оказалась пустой. Он выронил ингалятор.

Кто-то другой сунул мундштук ему между зубами, и горло и рот сразу наполнились прохладной капельной взвесью.

– Сколько пшиков-то? – спросил голос.

«Три», – подумал Артур. Три пшика позволили бы ему дышать... по крайней мере – остаться в живых. Хотя, скорее всего, дело снова кончится больницей, а потом еще не менее двух недель понадобится выздоравливать дома...

– Так сколько пшиков-то?

До него дошло, что он так и не ответил. Кое-как он показал три растопыренных пальца... И тотчас в горло ворвались еще два облачка спасительного лекарства. Оно уже начинало дей-

ствовать. Поверхностные сипящие вздохи все же проталкивали в легкие сколько-то воздуха. В кровь и, соответственно, к мозгу снова начал худо-бедно поступать кислород.

Мир, съжившийся почти что в точку, понемногу стал обретать привычные очертания. Так распаивается занавес, открывая сцену и декорации. Теперь Артур видел не просто клочок голубого неба, окаймленный непроглядным мраком; он даже сумел различить двоих ребятшек, присевших подле него на колени. Эти двое были из тех, что шли пешком, упрямо не желая бежать. Мальчик и девочка. Их пренебрежение школьными порядками выражалось не только в отказе сдавать кросс, но и в одежде. Они не носили ни школьной формы, ни спортивных костюмов: на обоих были черные джинсы, темные очки, футболки с символикой каких-то неведомых Артуру музыкальных групп. То есть ребята то ли жутко крутые, то ли ровно наоборот. Артур еще ничего не знал ни об этой школе, ни подавно о городе и не взялся бы с уверенностью судить.

У девочки были короткие волосы, окрашенные в такой светлый тон, что казались почти белыми. Мальчишка, наоборот, носил длинные патлы, причем тоже крашенные, черные. Несмотря на такую разницу в цвете волос, эти двое были очень похожи. Артур еще плохо соображал, но через несколько секунд все же догадался, что они, скорее всего, двойняшки. В крайнем случае – брат и сестра. Может, кого-то из них оставили на второй год, вот и оказались они, разновозрастные, в одном классе...

– Ну-ка, Эд, позвони «999», – распорядилась девочка.

Это она дала Артуру ингалятор.

– Не получится, – отозвался патлатый Эд. – Осьминог у меня мобильник отнял.

– Ладно, тогда дуй в спортзал, – сказала девочка. – А я Вейтмана ловить побегу.

– Это-то зачем? – спросил Эд. – Может, тебе тут лучше остаться?

– Нет, нужно подмогу звать, – мотнула головой девочка. – У Вейтмана точно есть телефон, и он, я думаю, уже обратно бежит... А ты, парень, просто лежи смирно и дыши давай!

Эти последние слова были адресованы Артуру. Он слабо кивнул и даже сумел слегка помахать рукой – дескать, бегите. Он уже соображал достаточно хорошо для того, чтобы жутко смутиться. Ну это же надо: первый день в новой школе, а он и до большой перемены даже не дотянул!.. Ежу понятно, чем это все кончится. Наверняка снова больницей. А по возвращении в школу, этак через месяц, его сразу запишут в распоследние неудачники. Он и по учебе отстанет, и друзей новых уж точно не заведет...

«Ладно. По крайней мере, я жив», – сказал себе Артур. И на том, как говорится, спасибо. Он по-прежнему не мог свободно дышать и ощущал страшную слабость, но все же сумел кое-как приподняться на локте и глянуть кругом.

Двое в черных штанах, как выяснилось, умели очень даже здорово бегать, если приспичит. Артур видел, как белобрысая девчонка пронеслась сквозь толпу лентяев-пешеходов: ни дать ни взять ворона, спикировавшая в воробынью стайку. Мелькнула и исчезла за деревьями парка. Артур посмотрел в другую сторону и увидел, как патлатый Эд скрылся за углом высокой, глухой кирпичной стены спортзала – единственной части школы, которую отсюда можно было увидеть.

Ну, стало быть, помощь скоро придет... Артур приказал себе расслабиться и успокоиться. Потом с немалыми усилиями сел и сосредоточился на медленных, как можно более глубоких вдохах и выдохах. Если ему повезет, он даже не потеряет сознания. Главное – не паниковать. Все это уже бывало с ним прежде, и он справлялся. К тому же в руках у него был ингалятор. Надо просто сидеть тихо и смирно, поменьше двигаться... и по возможности не подпускать к себе страх.

Неожиданная вспышка света отвлекла Артура от дыхательного ритма. Он заметил краешком глаза, как что-то ярко блеснуло, и повернулся взглянуть... На мгновение ему даже показалось, что он снова проваливается в забытие и, должно быть, падает навзничь, подставляя

лицо солнцу. Он поспешно прищурился и тогда лишь сообразил, что источник слепящего света находился прямо на земле. Причем совсем близко.

И не просто находился. Светящееся нечто постепенно меркло, скользя по травке прямо к нему. Артур в полном недоумении следил за тем, как в ярком ореоле начинает проступать нечто темное... А потом свет угас окончательно, явив его глазам весьма странно одетого человека, восседавшего в кресле на колесиках. Инвалидное кресло катил, по-видимому, помощник, причем не менее странный.

Само кресло оказалось высоким и узким. Оно определенно смахивало на ванну, выплетенную из лозы. У него было одно маленькое колесико спереди и два больших колеса сзади, причем у всех трех металлические ободья обходились без резиновых шин, по каковой причине это «ванное кресло» тяжело проседало в траве.

Человек, что полулежал, откинувшись на сиденье, выглядел тощим и бледным, его кожа напоминала тонкую оберточную бумагу. При всем том он казался совсем молодым, лет двадцати, вряд ли больше, и к тому же красивым – правильные черты, голубые глаза. Глаза, правда, оставались полузакрытыми, словно от сильной усталости. Светловолосую голову покрывала занятная шапочка с кисточкой, а одежда... Артуру, по крайней мере, она здорово напомнила костюм для занятий кун-фу. Что-то такое из красного шелка, расшитого синими драконами. Колени человека кутал шотландский клетчатый плед, из-под которого выглядывали домашние тапочки. Тапочки тоже сияли алым шелком, и на них красовался некий узор, который Артур не смог как следует рассмотреть.

Кативший кресло тоже казался здесь, в парке, до крайности не к месту. Или не ко времени. Так мог бы выглядеть дворецкий из какого-нибудь древнего фильма. Или Нестор из Тинтиновского комикса – правда, тот был гораздо, гораздо опрятней. На человеке, который вез кресло, был черный сюртук весьма не по размеру, с длинными фалдами, чуть ли не волочившимися по земле, а белая манишка выглядела жесткой, твердой, прямо-таки пластиковой. Еще на нем были вязанные перчатки без пальцев, порывавшиеся распуститься прямо на руках, – обрывки ниток так и свисали. Артур с неодобрением отметил, что ногти у этого типа длинные и желтые. Как, впрочем, и зубы. Он был гораздо старше человека в кресле, лицо избороздили морщины, а остатки давным-давно нестриженных седых волос виднелись лишь на затылке. Ему, должно быть, стукнуло по меньшей мере восемьдесят. Впрочем, кресло он катил без видимых усилий.

Катил прямехонько на Артура.

Эти двое разговаривали по ходу дела, и было похоже, что Артура они либо вовсе не замечали, либо совершенно им не интересовались.

– И чего ради я держу тебя наверху, Чихалка? Сам не пойму, – вопрошал мужчина в «ванном кресле». – Да еще и планам твоим бредовым потакаю...

– Нет, право же, сэр, – возражал старый лакей, чье имя или прозвище, по-видимому, было Чихалка. И Артур уже видел, что дали его старику неспроста: нос у него был довольно-таки красный, в прожилках лопнувших кровеносных сосудов. – С вашего позволения, никакой это не план, а самая обычная предосторожность. Мы ведь не хотим идти наперекор Волеизъявлению, не так ли, сэр?

– Пожалуй, что так, – проворчал молодой человек. После чего широко зевнул и прикрыл глаза. – А ты точно уверен, что мы здесь найдем кого-нибудь подходящего?

– Точней некуда, сэр, – был ответ. – Так же точно, как и то, что яйцо есть яйцо... И даже точнее, потому что под скорлупой может оказаться совсем не то, чего ждешь. Я сам установил циферблаты, чтобы всенепременно найти кого-нибудь, приблизившегося к порогу Вечности. Вы вручаете ему Ключ, он умирает – и Ключ опять ваш. А с ним и еще десять тысяч лет без хлопот и проблем, и Волеизъявление не придерется, хоть оно тресни: вы ведь вправду отдали Ключ одному из прямых наследников, как оно и предписывает!

– Достало меня все это, – заявил молодой человек и снова зевнул. – Сил никаких нет бегать туда-сюда, без конца отвечая на дурацкие запросы с самого верха! Ну откуда, спрашивается, мне знать, каким образом удалось удрать тому фрагменту Волеизъявления?.. И чтобы ты знал, никаких рапортов я писать не намерен. Хватит с меня! До чего спать охота, прямо глаза закрываются...

– Только не сейчас, сэр, не сейчас, – увещевал Чихалка. Он затенил глаза грязной пятерней в драной перчатке и стал оглядываться. Как ни странно, он, похоже, не видел Артура, хотя и стоял прямехонько перед ним. – Мы почти на месте!

– Не почти, а на месте, – холодно перебил молодой человек. И ткнул пальцем в сторону Артура, как если бы мальчик только что возник перед ним прямо из воздуха. – Это... оно?

Чихалка оставил «ванное кресло» и приблизился к Артуру вплотную. Когда он изобразил на лице подобие улыбки, во рту у него обнаружилась уйма зубов. И добро бы просто длинных, желтых и поломанных – они оказались еще и острыми, как у собаки.

– Здравствуй, милый мальчик, – сказал Чихалка. – Ну-ка, поклонись Мистеру Понедельнику, да повежливей!

Артур лишь молча таращил на него глаза. «Должно быть, это неведомый науке побочный эффект, – пронеслось у него в голове. – Глюки от кислородного голодания...»

Однако в следующее мгновение он ощутил на своем затылке вполне вещественную костлявую руку, и эта рука несколько раз нагнула ему голову: Чихалка заставлял его кланяться человеку в «ванном кресле». Потрясенный таким неожиданным и неприятным самоуправством, Артур резко закашлялся... Тут и пошли прахом все его тяжкие труды по успокоению дыхания. Вот теперь ему стало по-настоящему страшно. Он совсем не мог больше дышать...

– Тащи его сюда, – распорядился Мистер Понедельник.

И с томным вздохом стал наблюдать через бортик кресла за тем, как Чихалка исполняет его приказание. Ну а тот в самом деле Артура тащил, причем без натуги – взяв его двумя пальцами за шиворот.

– Так ты уверен, что он умрет прямо сейчас? – переспросил Мистер Понедельник, дотягиваясь и приподнимая Артуру подбородок, чтобы посмотреть в лицо.

В отличие от Чихалки руки у него были чистые и ногти – ухоженные. И он вроде бы не вкладывал никакой силы в свою хватку, только вот Артур почему-то пошевелиться не мог. Ни дать ни взять Мистер Понедельник пережал в его теле какой-то нерв и вызвал паралич.

Между тем Чихалка, не выпуская Артура, свободной рукой зашарил в кармане. На свет появилось не меньше дюжины ключев мятой бумаги. Эти ключья так и остались висеть в воздухе, как будто он их выложил на невидимый стол. Чихалка быстро просмотрел их все, расправил один листок и приложил его к щеке Артура. Бумага вспыхнула ярко-синим светом, и на ней возникли золотые буквы, сложившиеся в его, Артура, имя.

– Это он, никакого сомнения быть не может, – заявил Чихалка. Убрал бумажку в карман – и прочие клочки последовали за нею, словно связанные ниткой. – Артур Пенхалигон. И этот фрукт, сэр, в любой миг готов свалиться с ветки. Так что лучше бы вы, сэр, отдали ему Ключ-то!

Мистер Понедельник снова зевнул и выпустил Артурову физиономию. Потом не торопясь запустил руку в левый рукав своего шелкового одеяния и вытащил тонкую металлическую спицу. Больше всего она напоминала узкий нож без рукояти. Артур просто смотрел на эту спицу и ни о чем особо не думал, потому что от недостатка воздуха его мозги снова отказывались нормально работать. Лишь где-то там, в глубинах сознания, отчаянно звучал все тот же напуганный голос, что призывал его воспользоваться ингалятором.

«Беги! – кричал этот внутренний голос. – Беги, удирай!..»

Легко сказать... Странный паралич, вызванный прикосновением Мистера Понедельника, успел рассосаться, но Чихалка ни на миг не ослаблял хватки, а у Артура не было сил сделать попытку вырваться.

– Именем сил, коими я был облечен на условиях, вписанных в... – забормотал Мистер Понедельник. Бормотал он настолько быстро, что Артур не успевал уследить за его речью, уж куда там понять. Он разобрал лишь самые последние слова: – ...И таким образом да исполнится Волеизъявление!

Произнеся это, мистер Понедельник ткнул своим стилетом вперед. Одновременно с этим Чихалка выпустил Артура, и мальчик мешком свалился обратно в траву. Понедельник рассмеялся и уронил лезвие Артуру в раскрытую ладонь, а Чихалка тотчас же заставил его сомкнуть пальцы. Он так стиснул его кисть, что металл врезался в кожу. Боль произвела неожиданное действие: Артур внезапно обнаружил, что снова обретает способность дышать. На входе в легкие словно вентиль открылся, и воздух свободно полился внутрь.

– Теперь второй, сэр, – настойчиво проговорил Чихалка. – Надо, чтобы у него было все!

Понедельник хмуро уставился на слугу. Молодого человека начал одолевать очередной зевок, но Понедельник подавил его, сердито потерев ладонью лицо.

– Уж как тебе не терпится, чтобы Ключ ушел у меня из рук, хотя бы на несколько минут! – сказал он. Уже начав вытаскивать что-то еще из другого рукава, он все же помедлил. – И без конца суешь мне кипяченый бренди с водой. Слишком много бренди с водой! А у меня, похоже, от усталости бдительность слегка притупилась...

– Но, сэр, если Волеизъявление вас найдет и окажется, что вы не вручили Ключ подходящему Наследнику...

– Если Волеизъявление меня найдет, – задумчиво проговорил Понедельник. – Ну и что тогда? Если отчеты были правдивы, из заточения вырвалось всего несколько строк. Вот бы знать, насколько велико их могущество?

– Право же, я бы с этим не экспериментировал, – ответил Чихалка, утирая нос рукавом. От волнения у него обильно потекли сопли.

– А мальчишка-то может и выжить, если получит Ключ целиком, – заметил Понедельник. Тут он впервые выпрямился в своем кресле, и сонное выражение пропало с его лица. – К тому же сдастся мне, Чихалка, что не случайно из всех моих слуг именно ты подкатился ко мне с таким планом...

– О чем это вы, сэр? – спросил Чихалка.

И попытался заискивающе улыбнуться. Результат был весьма отвратителен.

– Потому что ты успел зарекомендовать себя круглым идиотом! – яростно выкрикнул Понедельник. Щелкнул пальцем – и незримая сила отшвырнула и Артура и лакея, кувырком бросив их на траву. – Ты в чьи игры тут играешь, Чихалка? Снюхался небось с Грядущими Днями, а? И ты, и этот инспектор, и все, кто утверждал, будто Волеизъявление укупорено на века... Ты, может, в мое кресло метишь?

– Никак нет, – ответил Чихалка.

Он медленно поднялся и направился к «ванному креслу». С каждым шагом его голос менялся, становясь все громче и чище и гулко уносясь вдаль. Звуки труб сопровождали его, и Артур увидел, как на коже Чихалки начинают проступать чернильно-резкие очертания букв. Они танцевали, соединяясь в слова и строки, и эти строки неслись по лицу Чихалки, словно чудесным образом ожившая татуировка.

– «В ведении доброго моего Понедельника оставляю я дела Нижнего Дома, – гласили строки, и им вторил раскатистый голос, исходивший изо рта Чихалки, но отнюдь не принадлежавший ему. – И пусть он блюдет их, доколе...»

Артур ни за что бы не поверил, что вяло-томный Понедельник способен двигаться до такой степени быстро. Вот он выхватил нечто из рукава, какой-то мерцающий предмет... и

наставил его на Чихалку, выкрикивая оглушительные слова, звучащие, точно громовые удары. Они сотрясали и воздух, и самую землю, на которой растянулся Артур.

И вот произошла вспышка яркого света, за нею сотрясение, подвинувшее землю, прозвучал придушенный крик... чей именно, Чихалки или Мистера Понедельника, Артур так и не понял. Он просто зажмурился. А когда снова открыл глаза, Понедельник, «ванное кресло» и Чихалка успели исчезнуть. Лишь печатные строки все еще вились в воздухе, но они мельтешили слишком быстро, чтобы Артур успел хоть что-нибудь разобрать. Вот они свились над мальчиком в спираль, закружились водоворотом сверкающих букв... И вот между строками материализовалось нечто тяжелое и упало вниз, преобильно задев Артура по голове.

Это была тонкая записная книжка размером не больше ладони, переплетенная в зеленую ткань. Артур не думая подобрал ее и сунул в нагрудный карман рубашки. Потом снова поднял глаза, но летящих строк уже не было видно. Он всего-то и успел подметить лишь три слова. Наследник. Понедельник. Волеизъявление...

Зато его глазам предстал мистер Вейтман, мчавшийся к нему полным ходом с телефоном возле уха. Со стороны спортзала – гораздо медленнее физрука – поспешала школьная медсестра с чемоданчиком первой помощи. А за Вейтманом несясь весь его, Артура, спортивный класс. Во все лопатки мчались даже сачки-пешеходы.

От этого зрелища Артур непременно застонал бы, если бы смог выдавить из легких хоть сколько-то воздуха. И так, ему предстояло не просто умереть, но умереть у всех на глазах. После чего народ примется давать интервью телевизионщикам, и каждый небось наговорит чего-нибудь милого и сочувственного, но про себя-то все будут думать: так ему и надо, паршивому слабаку...

Однако мгновением позже Артур заметил, что все-таки может дышать. Ну да, был момент, когда от недостатка кислорода ему аж начала мерещиться всякая небывальщина... Но ингалятор сработал на славу, так что худшее было позади. Сейчас он отдышится, и все будет хорошо. Да, боль в ладони определенно того стоила...

Подумав так, Артур посмотрел на свою руку. Она оставалась по-прежнему крепко сжатой в кулак, и из-под мизинца потихоньку сочилась кровь. Он-то думал, что сжимает в ладони ингалятор, но там явно было нечто иное. Он держал странную такую полоску металла, с одного конца заостренную, а с другого – увенчанную круглым плоским колечком. Штукенция была ощутимо тяжелая. Серебряная с замысловатой золотой инкрустацией. Разводы всякие, завитушки...

Артуру понадобилась целая секунда, чтобы сообразить, что это была за вещь. Ну конечно! Стрелка от допотопных часов. Вполне весомая и вещественная. Как и записная книжка в его нагрудном кармане. А значит, и все остальное не было бредовым видением. Мистер Понедельник и Чихалка в самом деле тут побывали. Не примерещились.

Сейчас подоспеют Вейтман и медсестра. Артур судорожно огляделся, прикидывая, куда бы спрятать серебряную стрелку. Если этого не сделать, ее уж точно у него отберут!

В нескольких шагах от себя он заметил кустик выгоревшей травы. Артур подполз к нему и воткнул миниатюрную стрелку поглубже в землю, так что наружу торчало только круглое ушко, сразу затерявшееся в пожухлой траве.

Как только он выпустил стрелку из рук, астма снова стиснула его легкие. Открывшийся было вентиль снова наглухо захлопнулся, и воздух перестал поступать. Артур все-таки перекатился, отдаляясь от запрятанной стрелки. Еще не хватало, чтобы на нее наткнулся кто-то другой!

«Я обязательно вернусь за ней, как только смогу... – подумалось ему. – Если, конечно, выживу».

Глава 2

Через сутки после весьма странных событий, постигших его в понедельник утром, Артур еще находился в больнице. Большую часть этого времени он провел без сознания и до сих пор чувствовал себя «как пыльным мешком ударенный». И хотя дышал он теперь вполне сносно, доктора намеревались поддержать его в палате еще несколько дней, потому что его история болезни была уж очень тревожной.

По счастью, мама Артура сама была весьма продвинутым медиком. Она состояла на государственной службе и занималась научными исследованиями. Поэтому у всего семейства были отличнейшие медицинские страховки, а кроме того, врачи всей страны очень хорошо знали доктора Эмили Пенхалигон и ее работы. Соответственно, когда Артур в очередной раз попадал в больницу, за ним всегда очень хорошо ухаживали. И предлагали еще полежать, хотя другим людям, чувствовавшим себя нисколько не лучше, приходилось выписываться. В промежутках между лежанием в больницах Артур вечно мучился по этому поводу угрызениями совести. Но пока длилось лечение, он обычно об этом не думал, просто потому, что ему бывало слишком уж плохо.

А вот папа у Артура был музыкантом, композитором. Очень талантливым – но, увы, коммерческие сферы его талант не охватывал. Бывало, он сочинял великолепнейшие песни, а потом... попросту забывал дать им какой-нибудь ход. Лет тридцать пять назад он играл на гитаре в составе прославленной группы «Крысюки», и люди, случалось, до сих пор его узнавали в лицо. В те годы у него была кличка Чумной Крыс, но со временем многое изменилось, и он давно уже пользовался своим паспортным именем – Роберт «Боб» Пенхалигон. Былая карьера в «Крысюках» до сих пор приносила ему солидные денежные поступления, потому что диски продолжали переиздаваться, достигая «платиновых» тиражей, а почти все песни написал именно он. Их по-прежнему часто крутили по радио, да и современные группы не брезговали заимствовать мелодии «Крысюков» – особенно в той части, которая касалась соло на гитаре, исполнявшихся Бобом.

Нынче Боб Пенхалигон в основном приглядывал за семейством, играя исключительно для души на каком-нибудь из своих трех пианино либо на одной из дюжины гитар. А вот Эмили Пенхалигон, наоборот, было совсем не до семьи: она вечно пропадала в своей лаборатории, применяя компьютеры к исследованию ДНК. Эти работы должны были облагодетельствовать все человечество, зато саму исследовательницу, к сожалению, отрывали от дома.

А еще у Артура имелось шестеро братьев и сестер. Трое старших – два парня и девочка – были детьми Боба от трех разных женщин; наследие времен, когда он гастролировал с «Крысюками». Четвертый ребенок был от прежнего брака Эмили. Оставшиеся двое были их общими.

Что касается самого Артура, он был приемышем. Его настоящие родители были врачами и работали вместе с Эмили. Они умерли во время последней, по-настоящему жестокой эпидемии гриппа, той самой, с которой покончила ими же разработанная вакцина. Эмили уже тогда возглавляла научную группу, а Артуру было всего неделя от роду, когда он остался сиротой. Он тоже заразился страшным гриппом, но выжил – и, по-видимому, именно из-за той инфекции остался астматиком. Близких родственников у него не нашлось, поэтому прошение об усыновлении, поданное Эмили и Бобом, было вскоре удовлетворено.

Артуру все это было известно, но в мрачные раздумья он отнюдь не впадал. Правда, он любил время от времени полистать старый семейный альбом – одну из немногих вещей, оставшихся ему в наследство от биологических родителей. Еще у него была коротенькая видеозапись, сделанная на их свадьбе, и смотреть эту запись было чуть ли не выше его сил. Эпидемия унесла их обоих всего-то через восемнадцать месяцев, и даже на взгляд Артура, родители на пленке выглядели невыносимо юными... С другой стороны, ему нравилось думать, что, взрос-

лея, он становится все более похожим на них обоих. Так что они в некотором смысле продолжали жить – в нем.

Артур с самого раннего детства знал, что усыновлен. Боб и Эмили относились ко всем детям одинаково, а те, в свою очередь, твердо считали друг дружку братьями и сестрами. Они никогда не рассуждали о «единокровном» или «единоутробном» родстве и не вдавались в объяснения насчет разницы почти в двадцать лет между старшим, Эразмом, родившимся в дни шумной славы рок-музыканта Боба, и самым младшим, Артуром. Никому не было дела до отсутствия сходства между ними или различия в цвете кожи. Они просто были единой семьей, вот и все. Несмотря даже на то, что старшие уже жили отдельно, а трое меньших еще оставались с родителями.

Эразм служил в армии, имел чин майора и успел родить собственных детей. Старья играла в театре и считалась серьезной актрисой. Эминор стал музыкантом и сменил имя на «Патрик». Сюзанна училась в колледже. Из троих младших Михаэли учился в местном колледже, Эрик готовился к окончанию школы... Ну а про Артура мы все уже знаем.

Накануне вечером его навестили папа, Михаэли и Эрик, а мама забежала рано утром – проверить, все ли у него хорошо. Убедившись, что он жив и поправляется, она прочитала ему строгую нотацию на тему «лучше уж до предела упасть в глазах окружающих, чем упасть замертво».

Угадать мамино приближение было легко. Отовсюду, как по волшебству, возникали нянечки и доктора, так что Эмили появлялась обычно во главе свиты из восьми-девяти белых халатов. Артур давно привык к тому, что его мама является Живой Легендой Медицины. Равно как и к тому, что его папа – Бывшая Легенда Рок-Музыки.

Так у Артура побывали все члены семьи, находившиеся в городе. И он испытал немалое удивление, когда во вторник после обеда его пришли навестить еще двое – ребята его возраста. В первый момент он даже их не узнал – наверное, потому, что теперь они не были одеты в черное. Потом до него дошло, кто это такие. Эд и девочка, что помогла ему, дав ингалятор. На сей раз оба были в обычной школьной форме: белые рубашки, серые брюки, синие галстуки.

– Привет, – поздоровалась девочка, заглядывая в дверь. – Можно войти?

– Конечно... конечно можно, – замялся Артур.

И что им от него надо, этим двоим?

– Мы вчера так и не познакомились, – продолжала девочка. – Я – Листок.

– Лизок?.. – толком не расслышав, переспросил Артур.

– Нет, Листок. Ну, как листок с дерева, – неохотно пояснила она. – Наши предки поменяли имена, чтобы подчеркнуть свое единение с природой.

– Папа называет себя Дерево, – добавил мальчик. – Ну а я, вообще-то, как бы Сучок, но мне это имя не нравится. Называй меня Эд!

– Ясно, – сказал Артур. – Значит, Эд и Листок. А мой папа когда-то звался Чумным Крысом...

– Ух ты! – в один голос воскликнули брат и сестра. – Не может быть! «Крысюки»?

– Точно, – удивленно кивнул Артур.

Он больше привык к тому, что лишь старшее поколение помнило, кого как звали в той группе.

– Мы, понимаешь, к музыке неровно дышим, – заметив его удивление, сказала Листок. И окинула взглядом свою школьную форму. – Потому-то мы вчера и надели нормальный прикид. В обед в парке должен был выступать Зевс Сьют. Неохота было выглядеть идиотами!

– Правда, пришлось пропустить, – вставил Эд. – Из-за тебя.

– Это вы к чему клоните? – насторожился Артур. – Ребята, я, вообще-то, вам здорово благодарен...

– Да ладно тебе, – отмахнулась Листок. – Эд хочет сказать, мы не пошли слушать Зевса Сьюта, потому что у нас более важные дела появились... после того как мы... то есть, собственно, я... после того как я заметила тех двух малахольных типов и инвалидное кресло!

– Кресло?.. И типов? – не веря собственным ушам, повторил Артур.

Он-то успел себя убедить, что просто временно отключился и ему все примерещилось; правда, ему почему-то не хотелось проверять эту гипотезу, хотя проверить было просто – достаточно ощупать нагрудные карманы рубашки и убедиться, на месте ли зеленая записная книжка. Рубашка, кстати, висела совсем рядом – в стенном шкафу.

– Ага, тех малахольных, – кивнула Листок. – Я видела, как они вынырнули из световой вспышки. А после всего – исчезли точно таким же способом. Как раз перед тем, как мы к тебе подоспели. Неслабо, да? А остальные чуваки и глазом не моргнули!.. Я прикинула, вся штука в ясновидении, которое мне от прапрабабки досталось... Она ирландская ведьма была, вот.

– Ну, по крайней мере, ирландкой она была точно, – сказал Эд. – Я-то не видел того, о чем Листок говорит. Но мы потом вернулись, чтобы хорошенько все рассмотреть. И не прошло пяти минут, как эти хмыри выходят из парка и давай нас прогонять: «Убирайтесь, убирайтесь...»

– Да уж, хмыри, – подхватила Листок. – С такими собачьими рожами, сплошные щеки и подбородки... А глазки маленькие и подлые, точно у блаухаундов. А изо ртов как воняло! И знай только твердили: «Убирайтесь, убирайтесь...»

– А еще они там что-то вынюхивали, – сказал Эд. – Мы пошли было, а я оглянулся и вижу: один вот прямо так встал на карачки и давай принюхиваться... Причем их туда тьматмущая набежала! Дюжина, если не больше! Все в таких... ну... чарли-чаплиновских сюртуках и котелках. Станные типы и, по правде говоря, стремные. Короче, рванули мы оттуда, и я сказал кому следует, что на школьной территории болтаются посторонние. Осьминог сразу побежал проверять. Только он никого не увидел, хотя мы-то их по-прежнему видели ясно! Тем и кончилось, что мне теперь целую неделю после уроков сидеть... За то, что «впустую потратил драгоценное время учителя»!

– Ему неделю, а мне – три дня, – кивнула Листок.

– Осьминог – это кто? – поинтересовался Артур. У него уже голова шла кругом.

– Замдиректора Дойл. А Осьминогом его прозвали за то, что любит вещи у людей отбирать!

– Короче, Артур, что вообще происходит? – спросила Листок. – Кто были те двое?

– Если бы я знал, – ответил Артур, недоуменно покачав головой. – Я... я вообще думал, это у меня глюки были от астмы...

– Не исключено, – заметил Эд. – Но вот у двоих сразу?

Листок довольно крепко ткнула его кулаком. «Ну точно брат и сестра», – усмехнулся про себя Артур.

– Правда, это не объясняет, почему Осьминог не мог видеть тех хмырей в котелках, – потирая ушибленное плечо, продолжал рассуждать Эд. – Ну, разве что мы все трое подпали под действие какого-нибудь газа. Или неведомой науке цветочной пыли.

– Если нам не примерещилось, то в кармане моей рубашки должна лежать такая маленькая записная книжка, – сказал Артур. – Она там, в шкафчике...

Листок проворно распахнула дверцу. Потом помедлила.

– Валяй, – сказал Артур. – Я в этой рубашке ходил всего часа два. А бежать почти и не бежал...

– Да я не к тому, что она грязная или пахнет, – сказала Листок. Сунула руку в шкаф и стала шупать рубашку. – Просто если книжка там в самом деле лежит, значит я таки видела кое-что, а эти, с собачьими рожами, были довольно стремные, и это притом что солнце светило и Эд рядом был...

Тут она замолчала и вытянула руку наружу. Записная книжечка была тут как тут – Листок крепко держала ее в кулаке. Артур обратил внимание, что Листок красит ногти черным лаком в красную полоску. В точности как папа годы назад, когда состоял в «Крысюках».

– Странная она какая-то... на ощупь, – прошептала Листок, вручая книжку Артуру. – Вроде как электричеством щиплется...

– А что на обложке написано? – поинтересовался Эд.

– Не знаю, – ответила Листок.

На обложке вправду виднелись какие-то символы, но вот что они означали? Девочке странным образом не удавалось сосредоточить на них взгляд. А еще она испытывала сильнейший позыв немедленно отдать книжку Артуру.

– Вот, возьми, – сказала Листок. – Она же твоя.

– Собственно, она вроде как с неба свалилась, – ответил тот, беря книжечку в руки. – Или выпала из какого-то водоворота, состоявшего из буквенных строчек... которые сами по себе в воздухе кружились...

Он присмотрелся к записной книжечке. Обложка у нее была твердая, обтянутая зеленой материей – это сразу напомнило ему старые библиотечные томики. На ткани виднелись золотые письмена. Пока Артур в них всматривался, они принялись неторопливо переползать и выстраиваться. Артур только моргал, наблюдая, как они толкаются и лезут друг через дружку, образуя слова.

– Тут написано: «Полный Атлас Дома и его Ближайших Окрестностей», – наконец прочитал он вслух. – Буквы, они... двигаются!

– Во техника до чего дошла, – пробормотал Эд. Правда, особой уверенности в его голосе почему-то не слышалось.

Артур попытался раскрыть книжку, но обложка не поддавалась. Нет, страницы не склеились: он смотрел на обрез и видел, что они лежат совершенно свободно. Он просто не мог раскрыть книжку. И сила была ни при чем. Обложка не поддалась даже тогда, когда у любой нормальной книги она уже отлетела бы напрочь.

От усилия Артур раскашлялся и еле-еле вернул дыхание к нормальному ритму. Он уже ощущал в легких этакий спазм – предвестник нового приступа астмы. Монитор, следивший за кислородом в его крови, немедленно запищал, и из коридора послышались торопливые шаги медсестры.

– Эге, нам, похоже, пора, – сказала Листок.

– Погоди... Вы не видели, те, в котелках, там ничего не нашли? – торопливо просипел Артур. – Ну, такой кусочек металла?

– А как он выглядел?

– Как минутная стрелка старинных часов, – задыхаясь, выговорил Артур. – Серебряная с золотыми узорами...

Эд и Листок отрицательно замотали головами.

– Посещение закончено, – стремительно входя, объявила медсестра. – Смотрите, как разволновали юного мистера Пенхалигона!

Артур скорчил рожу – ему не нравилось, когда его называли юным мистером. Эд и Листок сморщились тоже, а Листок еще и издала звук, как будто ее тошнит.

– Ладно, Артур, – поправилась медсестра, как выяснилось – далеко не дура. – Прошу прощения. Я сегодня все утро с малышами возилась... А вы двое, ну-ка быстро за дверь!

– Мы не видели ничего похожего, – все-таки сказал Эд. – А эти собаколки... ну, собаки сегодня к утру уже убрались. Правда, весь стадион как есть перерыли, а потом уложили дерн на место. Здорово поработали: если не знать, и не догадаешься. А быстро-то до чего...

– Весь стадион? – переспросил Артур.

Что-то тут определенно было не так. Он ведь сунул стрелку в землю примерно где-то посередине. Зачем же они в других-то местах рылись после того, как ее нашли? Может, для отвода глаз?

– Пошли, пошли! – погнала медсестра Эда и Листок. – Артуру надо сделать укол!

– Точно, весь стадион, – уже с порога подтвердила Листок. – Ладно, мы еще попозже заглянем!

– Завтра! – прикрикнула на них медсестра.

Артур помахал ребятам рукой, силясь что-то сообразить. Он едва обращал внимание на указания медсестры; между тем она велела ему перевернуться на живот, задрала дурацкую больничную рубашку, в которую он был облачен, и тампоном стала протирать место для укола.

Мистер Понедельник. Чихалка... Кто они? Если Артур правильно понял их разговор, минутная стрелка была частью какого-то Ключа, который Мистер Понедельник собирался вручить Артуру с тем расчетом, что тот немедля помрет. И тогда Понедельник все получит обратно. А план этот разработал Чихалка, причем заложил в него какую-то хитрость. В конце же всех дел этот самый Чихалка явно пребывал под властью некоторой внешней силы. Несущиеся, сверкающие слова... Те самые, что отдали ему записную книжку. Полный, как его, атлас чего-то там с окрестностями... И что толку от его полноты, если его все равно не открыть?

А еще Артур взял-таки минутную стрелку – он про себя уже решил называть ее Ключом – и в результате не умер. А посему продолжал ощущать себя владельцем Ключа, чем бы тот на самом деле ни являлся. Между тем собаколицы «хмыри в котелках», скорее всего, работали на Мистера Понедельника. И стало быть, капитально перерыв стадион, они неминуемо должны были найти Ключ и отнести своему боссу...

Значит, таинственное происшествие на том и закончится, оставшись необъясненным. Но Артур почему-то в это не верил. Наоборот, он ощущал необъяснимую уверенность: история только-только начинается. Зачем-то ему ведь вручили Атлас и Ключ, и Артур твердо вознамерился выяснить, зачем именно. Не зря домашние говорили, что любопытство его однажды погубит. А нынешнее происшествие у кого угодно пробудило бы жгучее любопытство!

«Я обязательно верну Ключ. Для начала», – решительно сказал он себе, обнимая подушку...

Укол медицинской иглой вернул его к суровой реальности. Ощущая, как уходит в тело лекарство, Артур просунул руку чуть дальше под подушку... и пальцы внезапно коснулись чего-то холодного, металлического. Он было решил на мгновение, что это рама кровати. Но нет, ощущение и форма предмета разительно отличались.

Потом до Артура дошло, что это такое.

Минутная стрелка... Ключ! Причем совсем недавно ее абсолютно точно там не было. Артур знал это наверняка, потому что, ложась, всегда совал руку под подушку. Может, Ключ материализовался там, когда Листок передала ему Атлас? Как те чудесные предметы из сказок, что всюду следуют за хозяином?

Правду сказать, большинство подобных сказочных предметов на поверку оказывались проклятыми. И от них даже при желании нипочем не удавалось избавиться...

– Лежи смирно, – строго велела медсестра. – Не дергайся! Как-то даже не похоже на тебя, Артур!

Глава 3

Артур отправился домой в пятницу вечером; Атлас и Ключ ехали вместе с ним, тщательно завернутые в запасную рубашку и спрятанные в пластиковый мешочек. Эд и Листок в больнице так и не появились, хотя обещали. Наверное, была тому какая-то причина. Артур подумывал им позвонить, но не смог узнать номер – для этого требовалась их фамилия. Он даже спрашивал нянечку Томас, не знает ли она, кто это такие, но и тут его ждала неудача. Ну а в больнице по ходу недели народу все прибавлялось, все бегали и хлопотали, и было не до расспросов. Так что в конце концов Артур отложил поиски новых друзей до понедельника. Уж в школе-то он их точно увидит!

Папа забрал его из больницы и повез домой на машине. Он вел автомобиль по улицам, напевая себе под нос песенку. Артур смотрел в окно, но, правду сказать, его мало что занимало. С самого понедельника он только и мог думать о Ключе, об Атласе и, конечно, о Мистере Понедельнике.

Они почти добрались до дома, когда Артур наконец рассмотрел нечто заставившее его разом обо всем позабыть. Машина как раз взбиралась на предпоследний холм перед их улицей, и вот тут-то Артур увидел ЭТО. Прямо по курсу, в долине, его глазам предстало старинного вида здание – громадное, занимавшее целый квартал. Дом был еще тот! Он состоял частью из каменной кладки, частью из кирпича, причем кирпича разномастного и неправильной формы; еще часть стен была деревянной, из бревен всевозможного вида, даже издали различавшихся размером и цветом. Было похоже, что этот домище бесконечно надстраивали и расширяли и делали это без особого царя в голове, не обременяя себя соблюдением единства архитектурного стиля. Тут были арки, акведуки, апсиды; башни, балконы; галереи, горгульи; колонны, купола, контрфорсы и колокольни; опускные решетки, террасы... В общем, деталей хватило бы на каждую букву алфавита, да не по одной.

Помимо прочего, здание выглядело до ужаса не на месте. Словно кто взял да и втиснул его в самую середину более-менее современного пригородного района.

Артур сразу понял: это неспроста!

И еще: откуси он собственную голову, но в понедельник, когда он отправлялся в школу, эта более чем странная махина здесь не стояла!

– Что это? – спросил он, указывая рукой.

– Ты о чем? – отозвался Боб. Сбросил газ и тоже стал смотреть сквозь лобовое стекло.

– Вон тот домина! Такой здоровый и... по-моему, его раньше тут не было!

– Где-где?... – Боб обводил глазами вереницу домов. – По мне, так они все одинаковые. И по форме, и по содержанию. Между прочим, именно из-за этого мы решили поселиться чуть дальше. Я к тому, что если уж заводить садик, так пусть это будет настоящий садик, а не фикция, верно? А-а, ты, наверное, вон про тот домик, перед которым джип стоит... Да, они вроде выкрасили гаражные ворота. Вправду стало дом не узнать!

Артур, на время утративший дар речи, лишь молча кивнул. Было ясно: его отец в упор не видит громадного, смахивающего на замок сооружения, к которому приближалась машина. Боб видел только те дома, которые стояли здесь прежде.

«А может, они по-прежнему здесь, – подумалось Артуру. – Может, это я в какое-то другое измерение заглядываю?» Впору было бы усомниться в собственном душевном здоровье... если бы не Атлас и Ключ. И память о разговоре с Эдом и Листок. Уж это-то ему не приснилось!

Машина спустилась с холма, и Артур заметил, что дом (или Дом, как, вероятно, его следовало называть) окружает стена. Очень гладкая, сделанная из чего-то похожего на мрамор, футов десяти высотой. Не вдруг влезешь! Ворот, кстати, Артур так и не приметил – по крайней мере, с той стороны, вдоль которой они ехали.

Новый дом Артура и его семьи располагался примерно в миле от этого места. Он стоял на дальнем склоне следующего холма, там, где кончались пригороды и начиналась сельская местность. Участок Пенхалигонов был очень немаленьким, и большую часть его занимал весьма запущенный сад. Боб утверждал, будто обожает возиться в саду. Но что ему на самом деле нравилось, так это мечтать и строить планы всяческих садовых работ, ничего в действительности не предпринимая. Они с Эмили купили эту землю и разбили сад несколькими годами ранее, а вот решение выстроить дом и переехать в него жить приняли лишь недавно.

В итоге дом был еще совершенно новеньким. В общем и целом строительство завершилось несколько месяцев назад. До сих пор в доме часто появлялись то электрики, то сантехники, доводившие до ума вверенное им хозяйство. Проект дома был создан именитым архитектором: зодчий искусно врезал его в склон холма и разбил на целых четыре уровня. Нижний этаж был самым большим. Здесь помещались гараж, мастерская, студия Боба и домашний офис Эмили. Над ними располагались жилые помещения и кухня, еще выше – спальни и ванные комнаты для родителей и возможных гостей. Трое младших детей – Михаэли, Эрик и Артур – обитали на самом верху. Ванная здесь была одна на троих, и они либо дрались за право ее посетить, либо, если кто-то запирался внутри, спускались на нижний этаж.

Когда вернулись Артур и его папа, дома никого не было. Экранчик на дверце холодильника содержал сообщения и электронные послания от тех или иных членов семьи. Эмили задерживалась в лаборатории, Михаэли просто «зависал» где-то и собирался быть «позже», ну а Эрик в данный момент играл в баскетбол.

– Может, съездим куда-нибудь пообедаем? – предложил Боб. – Вдвоем, а?

Он снова мурлыкал какой-то мотив: явный признак приближающегося композиторского вдохновения. Артур хорошо понимал, какая это была со стороны отца жертва – предложить съездить поесть, когда у самого руки чесались дорваться до клавиатуры либо струн.

– Спасибо, пап, в другой раз, – сказал Артур. Помимо прочего, ему хотелось остаться наконец в одиночестве и посмотреть, как там Атлас и Ключ. – Я после перекушу, хорошо? Пойду посмотрю, сильный ли кавардак ребята у меня в комнате развели...

При этом оба понимали, что Артур по доброте душевной отпускает папу поработать над очередной песней. Понимали и принимали – так уж между ними водилось.

– Ну ладно, тогда я в студии посижу, – сказал Боб. – Звякни, если что понадобится. Ингалятор при тебе?

Артур кивнул.

– Может, попозже пиццу закажем, – уже через плечо сказал Боб, направляясь к лестнице вниз. – Только маме не говори!

Артур стал подниматься к себе наверх, медленно считая ступеньки. С дыханием у него пока был порядок, но после пяти дней лежания на больничной койке чувствовалась слабость, и даже такой подъем казался ему серьезной работой.

Заперев дверь, чтобы ненароком не ворвались вернувшиеся старшие братья, Артур выложил Атлас и Ключ на кровать. А потом, сам не понимая зачем, выключил в комнате свет.

В открытое окно заглядывала луна, но все равно было довольно-таки темно... и было бы еще темнее, если бы не свет, исходящий от Атласа и Ключа. Оба чудесных предмета испускали голубое свечение, переливавшееся, словно блики на воде. Артур взял их в руки – Ключ в левую, Атлас же в правую...

И тогда-то, без всякого усилия с его стороны, Атлас взял да и распахнулся. Артур от изумления уронил книжечку обратно на кровать. Она не захлопнулась и, к его вящему удивлению, принялась расти, становясь все длиннее и шире, пока не сравнялась размерами с его подушкой.

Какое-то мгновение страницы оставались чистыми, но потом на них начали проявляться буквы, как если бы взялся за работу некий художник. Строки и линии были уверенными, чет-

кими, они возникали прямо на глазах, причем все быстрее и быстрее... Спустя некоторое время Артур обнаружил, что смотрит на изображение Дома, увиденного сегодня из автомобиля. Картинка была так здорово нарисована, что смахивала на хорошую фотографию.

А рядом с рисунком появилась рукописная надпись.

Дом, гласила она. Внешний вид, являемый во многих Второстепенных Царствах.

Потом возникли еще несколько слов. На сей раз почерк был гораздо мельче, и Артур низко нагнулся над книгой, чтобы хорошенько все рассмотреть. Он увидел стрелочку, целившуюся в чернильный квадратик, нанесенный на внешнюю стену.

– Потерна Понедельника, – прочитал он вслух. – Потерна – это что?..

На книжной полке над его столом имелся толковый словарь. Артур потянулся за ним, не забывая в то же время поглядывать на Атлас: вдруг тот возьмет да выкинет еще какой-нибудь фокус?

Так оно и случилось. Словарь оказался очень плотно зажат между другими книгами, и Артур отложил Ключ, чтобы пустить в ход обе руки. И вот, стоило Ключу оказаться на столе, как Атлас моментально захлопнулся, перепугав мальчика до полусмерти. А потом менее чем за секунду съехал до своих первоначальных, весьма скромных размеров.

«Ага, – придя в себя, сообразил Артур. – Так тебе Ключ нужен, чтобы открываться!»

Тем не менее он оставил Ключ на столе и для начала обратился к словарю. Выяснилось, что слово «потерна» происходит от латинского корня и обозначает, помимо прочего, черный ход, задние ворота, а также любой второстепенный или персональный вход.

Итак, в гладкой – шва не найдешь – стене у Мистера Понедельника все же имелся проход. Артур поставил словарь обратно на полку и задумался над этим обстоятельством. Изображение Дома и указание входа содержало в себе совершенно явное приглашение. Кто-то... или что-то... определенно хотело бы, чтобы он, Артур, вошел в Дом. Другой вопрос, можно ли доверять Атласу?.. Пока Артур был вполне уверен только в одном: Мистер Понедельник и Чихалка – его враги. Ну там, в лучшем случае – далеко не друзья. Насчет строк, клубившихся в воздухе, тех, что завладели Чихалкой и отдали ему, Артуру, Атлас, он особой уверенности не испытывал. Только подозревал, что те же строки ему и Ключ отдали, то бишь хитростью принудили Мистера Понедельника это проделать. Но вот зачем? Чего они... оно добивалось?

Существовал только один способ выяснить это. Надо будет как следует присмотреться к Дому. Завтра или в воскресенье. И постараться проникнуть в Потерну Понедельника. А там посмотрим. Может, он расскажет Эду и Листок, попросит у них помощи. Скорее всего, они тоже смогут увидеть странное здание. Увидели же они хмырей в котелках, хотя замдиректора их в упор не замечал...

Ну а покамест он припрятет Атлас и Ключ в самой надежной ухоронке, какую можно придумать! Непосредственно над его спальней имелся выход на крышу, и на этом балкончике стояла керамическая ящерица – дракон с острова Комодо², вылепленный в натуральную величину. Гигантская рептилия была полой внутри, но запустить пятерню в ее приоткрытую пасть удавалось только Артуру. У всех остальных руки были слишком большие и не проходили.

Только-только он успел спрятать свои таинственные сокровища, как домой приехала мама, и холостяцкая берлога мгновенно превратилась в семейное гнездышко. Проверив для начала, как там Артур, она извлекла Боба из студии для совместного обеда. Эмили была счастлива и умиротворена, и тому были веские причины. Во-первых, Артур поправился; а во-вторых, сама она в кои веки могла провести вечер дома, а не в отчаянных попытках срочного

---

² Комодо – один из островов Малайского архипелага, где обитает самая крупная ящерица на земле, комодский варан. В длину эти рептилии достигают трех метров. По-видимому, именно изображение комодского варана украшало дом Пенхалигонов.

получения вакцины против новой вспышки гриппозной инфекции. Правда, зима была не за горами, однако особых эпидемических ужасов на сей раз не ждали.

Тем не менее первая же Артурова попытка пойти посмотреть Дом с треском провалилась. Какой там Дом – его из собственного-то дома не выпустили!

– Рано еще тебе на подвиги, – непререкаемым тоном заявила Эмили. – Окрепни сперва. Почитай книжку, телевизор посмотри, с компьютером повозись... Через несколько дней видно будет!

Артур морщился и сопел, но спорить, как он отлично знал, было бесполезно. Может, он тихо спятит, сидя взаперти и впустую размышляя о Доме, но с этим все равно ничего не поделаешь. Если попытаться втихаря улизнуть, его, чего доброго, на месяц дома запрут. Если не на год!

– Знаю, знаю, каково это – не иметь возможности порезвиться, – обнимая его, сказала Эмили. – Ты помни только, что это не навсегда. Дай себе шанс! Тебе и так в понедельник нелегкое испытание предстоит – целый день в школе!

Когда не получается заняться чем хочется, время тянется как резиновое... Уик-энд длился для Артура целую вечность. Двое старших братьев занимались своими таинственными делами, Боб по-прежнему сочинял музыку, Эмили же вызвали на работу – проверить несколько странноватых больных, обратившихся в местные больницы. За ней всегда посылали, когда объявлялись пациенты с необычным набором симптомов. Артур всякий раз испытывал огромное облегчение, когда мама возвращалась домой и сообщала, что ничего серьезного не случилось. Он-то, потерявший родителей в той давней эпидемии, лучше других понимал, какая опасность таится за каждым сообщением о новой вспышке гриппа или очередной разновидности вируса.

К воскресному утру Артур не мог больше бороться с искушением снова извлечь Атлас и Ключ из недр керамического вара. И вот он снова держал в руке Ключ, и опять Атлас раскрылся на том же самом развороте с рисунком Дома. Правда, никаких новых надписей не появилось – лишь знакомая стрелка, указующая на Потерну Понедельника. Тем не менее Артур просидел над книгой несколько часов, пытаясь сообразить, что там к чему и как все может выглядеть изнутри.

И вот наконец воскресенье приблизилось к концу. Артур запрятал Атлас и Ключ в брюхо рептилии и пораньше залег в кровать, надеясь скоро заснуть и хоть так подстегнуть время... Как и следовало ожидать, ничего из этой затеи не вышло. Артур без толку ворочался в постели, не в состоянии заснуть. Он взялся читать книжку и прочел ее почти до конца, но сон все равно не шел. Так он и лежал, маясь раздумьями.

Потом его все же сморило, но ненадолго. Он проснулся и в первую секунду не сообразил, что же его разбудило. Повернул голову и увидел красневшие в темноте циферки электронных часов. 12:01. Минута после полуночи. Наступил понедельник.

Со стороны окошка слышался какой-то шум. Царапанье, словно прутиком по стеклу. Вот только ни одного дерева, чья ветка могла бы достать Артурово окно, в саду не имелось.

Артур сел в постели и поспешно включил свет. Сердце у него колотилось, да и дыхание сразу стало судорожным и неровным.

«Успокойся! – приказал он себе. – Все в порядке. Дыши медленно. Вот так. А теперь посмотри в окно...»

Он посмотрел. И так шарахнулся прочь, что свалился с кровати по другую сторону. И, прямо скажем, было от чего! В нескольких футах от стекла – и в добрых пятнадцати футах над землей – в воздухе завис крылатый человек. Крайне неприятный коренастый тип с рожей как у раскормленного блаухаунда. Собаколицый! И даже крылья у него были весьма противные. Как ни быстро они трепыхались, все равно было заметно, до чего грязные и облезлые на них перья.

Человек был одет в очень старомодный темный сюртук, а в руке держал шляпу-котелок. Этой-то шляпой он в окно и стучал. Он сказал:

– Впусти меня!

Стекло искажало голос, но все равно он звучал негромко, хрипло и очень угрожающе.

– Впусти меня!

– Ни за что, – прошептал Артур.

Память услужливо подсовывала ему леденящие кровь кадры из всех фильмов про вампиров, которые он когда-либо видел... Нет, человек за окном, пожалуй, не был вампиром, но он тоже просил разрешения войти – значит, тут, возможно, работал тот же принцип. Собаколицый не мог войти, пока его не пригласят. Правда, в фильмах упыри, как правило, благополучно гипнотизировали кого-нибудь, приказывая себя впустить...

И тут дверь его спальни отворилась.

У Артура чуть сердце не остановилось. Неужели они уже кого-то загипнотизировали? И этот кто-то сейчас впустит собаколицего...

Из-за двери, щупая воздух, высунулся длинный раздвоенный язычок. Артур схватил увесистый толковый словарь, лежавший подле кровати, и занес его над головой...

Следом за языком появилась чешуйчатая морда здорового ящера. Потом когтистая лапа. Артур немного опустил занесенный словарь... К нему явился керамический варан с острова Комодо – тот самый, стоявший на балконе. Только уже не глиняный, а живой. Или по-прежнему глиняный, но оживший. И очень проворный.

Артур медленно взобрался обратно на кровать, прижался к стене и перехватил словарь поудобнее, чтобы швырнуть его, если понадобится. На чьей стороне дракон, интересно бы знать?

– Впусти меня! – слышалось из-за окна.

Гигантская ящерица зашипела, метнулась вперед так быстро, что глаз едва успевал проследить, и взвилась на задние лапы перед окном. Из распахнувшейся пасти ударил сноп света, яркого, как от прожектора. Собаколицый заверещал и вскинул руки, уронив шляпу-котелок. Потом, хлопая крыльями, шарахнулся прочь. И исчез в крутящихся клубах угольно-черного дыма.

Ящер же захлопнул пасть, громко щелкнув зубами, и нестерпимый свет тотчас погас. Варан отступил от окна и, тяжеловесно ступая, направился к кровати Артура, чтобы там принять свою обычную скульптурную позу. Чешуйчатая шкура обтянула подчеркнуто напряженные мышцы... и дракон снова застыл. Вполне керамический, как и всегда.

Артур выронил словарь, поспешно сгреб ингалятор и сделал несколько «пшиков». Потом решил закрыть дверь и обнаружил, что ноги-то у него, оказывается, дрожат и норовят подлюмиться в коленках. Вернувшись к постели, он погладил свирепого ящера по голове и задумался было – а не запустить ли руку ему в пасть да не проведать ли, как там Атлас и Ключ. Однако решил, что это дело вполне может подождать до утра.

Забравшись под одеяло, Артур снова посмотрел на часы. Уж конечно, то, что все это случилось в первые минуты понедельника, случайностью быть никак не могло!

«Надо полагать, – подумалось ему, – нескучный будет денек...»

Нарочно повернувшись спиной к окошку, чтобы не было соблазна туда смотреть, Артур закрыл глаза.

Свет в спальне, впрочем, выключать он не стал.

Глава 4

Нельзя сказать, чтобы в понедельник утром Артур уж так рвался в школу. Прямо скажем, ему туда хотелось гораздо меньше обычного. После того, что стряслось сразу после полуночи, ему так и не удалось толком заснуть. Он в ужасе просыпался каждые полчаса, потя и отчаянно задыхаясь, и, по счастью, обнаруживал, что свет по-прежнему включен, все кругом тихо и ничего ужасного не происходит. Керамический варан с Комодо по-прежнему неподвижно стоял в ногах его кровати, и, когда комнату наконец заполнил солнечный свет, сделалось трудно поверить, что грозный ящер среди ночи ожил и отогнал пакостное существо, подлетевшее к окошку с той стороны.

Артуру очень хотелось бы списать все случившееся на обыкновенный ночной кошмар да на том и забыть... Увы, он знал, что все было очень даже реально. Вещественным свидетельством тому были Атлас и Ключ. Артур некоторое время взвешивал про себя, не оставить ли их дома, в керамическом брюхе дракона... Однако после завтрака все же извлек их и убрал в свой школьный рюкзачок.

Перед тем как выйти наружу и сесть к маме в машину, он самым тщательным образом осмотрел сад из окошка.

В городке, где они жили раньше, Артур ходил в школу пешком. Здесь он, наверное, со временем будет ездить на велосипеде. Покамест же родители считали, что он еще не созрел для таких физических нагрузок, и мама пообещала подбрасывать его в школу по пути в свою лабораторию.

При иных обстоятельствах Артур, вероятно, заартачился бы хоть для виду. Должен же он был, в самом деле, изобразить свободолюбие и независимость перед лицом брата Эрика, который в некоторых отношениях являлся его кумиром. Эрик был легкоатлетической и баскетбольной звездой. Вот уж кто без малейших проблем освоился в новой школе и даже успел стать чуть ли не главной ее спортивной надеждой: Эрика прочили в ведущие игроки лучшей школьной баскетбольной команды. У него уже была собственная машина, купленная на личные средства: по выходным Эрик подрабатывал официантом. Правда, подразумевалось, что на этой машине он повезет Артура в школу, только если случится нечто серьезное. Общество младшего брата могло, знаете ли, повредить его имиджу. (Тут надо заметить: что бы Эрик на сей счет ни говорил, в прежнем городке он не раз вмешивался в жизнь Артура, и очень по делу. То разгонял уличную шпану, порывавшуюся обижать младшенького, то выручал его, когда тот расшибался на велосипеде.)

В общем, Артур про себя был только рад, что поедет в школу с мамой. Он крепко подозревал, что хмыри в котелках – собаколицы подобия людей, – чего доброго, попытаются подкараулить его у школы. Он и так провел немалую часть ночи, обдумывая, каким образом ему от них защититься. То обстоятельство, что взрослые, скорее всего, не смогут их увидеть, ничуть не облегчало задачу. А ведь именно так, вероятно, и будет – если правда то, что рассказал ему Эд...

По дороге в школу ничего из ряда вон выходящего не произошло. Они лишь проехали еще раз мимо уродливой громады замка, возвышавшегося на месте нескольких обычных кварталов. Артур решил проверить, может ли его мама видеть Дом, и стал рассуждать о его необычных размерах. К сожалению, история повторилась: в точности как и папа, Эмили Пенхалигон видела лишь самые обычные здания. Артур тоже помнил, как здесь все выглядело раньше. Он изо всех сил щурился, отводил глаза и резко поворачивал голову, но видение, или мираж, или что это было, никак не рассеивалось – он по-прежнему видел Дом.

Когда же он старался присмотреться к строению попристальнее, всякий раз оказывалось, что оно очень уж беспорядочно, сложно и странно для восприятия. Слишком велико было его

архитектурное многообразие, слишком много было в нем всяческих дополнений и переделок. Артур честно пытался вычленить хоть что-то вразумительное и сообразить, как одно с другим согласуется, но только нажил головкружение. Стоило ему присмотреться к какой-нибудь башенке, как его отвлекал изгиб крытого перехода, или круглое окошко-тимпан в ближайшей стене, или еще что-нибудь этакое, и в результате башенка оказывалась забыта.

Еще он обнаружил, что очень трудно во второй раз найти взглядом то же самое место. То ли Дом неуловимо менялся всякий раз, стоило отвести от него глаза, то ли автомобиль слишком быстро ехал вдоль стены, так что пестрая мешанина деталей не давала себя рассмотреть.

Когда же Дом остался позади, Артур на некоторое время даже утратил бдительность, до такой степени обычной была оставшаяся часть дороги до школы. Стояло самое обыкновенное утро: уличное движение, пешеходы, ребячьи... Нигде никаких признаков сверхъестественного. Когда машина свернула на улицу, где располагалась школа, у Артура несколько отлегло от сердца. Как грела душу эта скучноватая обыденность! Светило солнце, кругом были люди... Ну может ли с ним что-то произойти?

Но стоило ему выйти наружу у школьного крыльца, а маминой машине – отчалить, как справа, на парковке для учительских машин, возникло сразу пятеро личностей в котелках. Типы в черных сюртуках выросли словно из ниоткуда, точно куклы-марионетки, чьи нити внезапно натянул кукловод. Они тоже заметили Артура и двинулись к нему, обходя автомобили. Двигались они достаточно странно – по прямой, резко сворачивая опять-таки под прямым углом, чтобы не столкнуться с преподавателями и учениками... которые их в упор не замечали.

Артур оглянулся и увидел, что слева появилось еще несколько собаколицых. Он даже заметил, как они выросли непосредственно из земли – облачками темного пара, который сразу же уплотнялся, образуя все новые силуэты в темных сюртуках, с тяжелыми физиономиями под шляпами-котелками.

Со всех сторон обошли. И слева, и справа!.. Только впереди не было ни одного. Артур побежал было, но после первых же нескольких шагов дыхание перехватило, и он понял: бежать нельзя, не то астма опять скрутит его. Пришлось снова перейти на шаг, он только быстро поглядывал влево-вправо, пытаясь прикидывать расстояние, отделявшее его от преследователей, и направление да скорость их передвижения.

Если он достаточно быстро прошагает по дорожке и одолеет ступеньки, он, пожалуй, успеет пройти внутрь, опередив хмырей в котелках...

И Артур пошел быстро, как только мог, протискиваясь между группками учеников, медливших перед входом. Он впервые радовался тому, что в этой школе его пока еще никто не знал, не окликал: «Эй, Артур, погоди!» – и не пытался, как это неминуемо приключилось бы в прежней школе, остановить его, чтобы поболтать.

Ему удалось достичь ступеней. Собаколицы настигали, они были уже футах в десяти – пятнадцати от него, а на крыльце, как назло, толпилась уйма народу – в основном старшеклассников. Протолкаться никакой возможности не было, и Артур пустился зигзагом, ныряя между парнями, и только извинялся на ходу, если кого-нибудь задевал.

Он почти добрался до входа, за которым, как он отчаянно надеялся, его ждала безопасность... И вот тут-то кто-то сзади сгреб его за рюкзачок, вынудив резко остановиться.

Было мгновение ужаса, когда Артур успел решить: все, попался. Но потом раздался голос, который, несмотря на угрожающий тон, едва ли не обрадовал мальчика.

– Толкаешься – плати по счету!

Парнишка, державший его за рюкзак, был гораздо крупнее Артура, но отпетым хулиганом не выглядел. Может, оттого, что в школьной форме трудно выглядеть жутко крутым. У него даже галстук был по всем правилам повязан, какая уж тут крутизна. Артур мгновенно определил его для себя как парня с определенными претензиями на крутость, но – лишь с претензиями.

– Ой, плохо мне, сейчас блевану! – сообщил он ему, искусно зажимая рукой рот и надувая щеки, словно в самом деле сдерживая рвоту.

Кандидат в хулиганы так быстро отдернул руку, что оба качнулись в разные стороны. Артур, впрочем, именно этого и ждал, а потому удержал равновесие. И преодолел следующие три ступеньки одним скачком, всего лишь на несколько шагов опережая толпу деятелей в котелках. Сколько же их было, не сосчитать! Прямо стая ворон, пикирующих на кусок мяса! Ученики и преподаватели сторонились с дороги, не догадываясь, что заставляет их так поступать; многие с озадаченным видом замирали на месте или даже отскакивали прочь и лишь потом спрашивали себя: «Да что, собственно, такое?..»

На какую-то секунду Артуру показалось – спасения нет. Собаколицы наступали ему буквально на пятки, он слышал их тяжелое пыхтение у себя за спиной. Он даже обонял их дыхание, и все было именно так, как рассказывала Листок. Из ртов у хмырей воняло тухлым мясом – запах даже похлеще, чем в загаженном отбросами переулке в задах какого-нибудь ресторана. Вся эта жуть придала Артуру сил и проворства. Он единым духом одолел оставшиеся ступеньки, ударился во вращающиеся двери и ввалился внутрь, растянувшись на полу.

Он сразу вскочил на ноги, готовый снова бежать, хотя дыхание уже сипело в груди, а легкие грозила свести судорога. И хуже всего был отвратительный страх, что собаколицы вот-вот ворвутся следом за ним, а его прижмет приступ астмы и он будет беспомощен...

На его счастье, преследователи так и остались за дверью. Они столпились у входа, влипнув плоскими рожами в стеклянные створки. Только теперь Артур смог во всех подробностях рассмотреть их. Они вправду выглядели такими гибридами людей и собак породы блаухунд: маленькие пороссячьи глазки, отвислые щеки и длинные языки, всю слюнявившие стекло. В общем и целом – достаточно злобные карикатуры на Уинстона Черчилля. Артура еще удивило, что все они почему-то сняли свои дурацкие котелки и дружно держали их на сгибе левой руки. Правда, обаяния им это не прибавило, поскольку волосы у всех были одинаковые – короткие, бурого цвета. Ну точно собачья шерсть...

– Впусти нас, Артур, – проскрипел один из них. Второй подхватил, за ним еще и еще, и скоро за дверьми поднялась гнусная какофония, в которой были едва различимы отдельные слова: – Нас, Артур,пусти, Артур, Артур,пусти, Артур, нас...

Артур заткнул пальцами уши и двинулся прочь по главному школьному коридору. Он изо всех сил сосредоточил внимание на своем дыхании, подчиняя его спокойному, безопасному ритму.

Лающие призывы снаружи начали медленно, но верно удаляться... Артур дошел до конца коридора и оглянулся через плечо.

Собаколицы исчезли. Двери свободно пропускали учителей и ребят – все они разговаривали, смеялись. А на улице светило солнце. Все нормально. Все как всегда.

– У тебя уши болят? – спросил кто-то. Прозвучало это даже с некоторым участием.

Артур покраснел и вытащил из ушей пальцы.

Итак, хмыри в котелках явно не могли его здесь достать. Значит, по крайней мере до конца учебного дня можно думать только о насущных школьных проблемах. Об уроках и притирке в новом для него классе. А еще можно попытаться разыскать Эда и Листок. Артуру хотелось рассказать им обо всем, что с ним произошло, и выяснить, могут ли брат и сестра по-прежнему видеть собаколиц. Кто знает, может, ребята помогут ему сообразить, как со всем этим бороться!

Он полагал, что встретится с ними в спортзале, когда все будут готовиться сдавать обычный понедельничный кросс. У него самого была записка об освобождении, но все равно следовало пойти туда и отдать ее мистеру Вейтману. Правда, прежде урока физкультуры надо было пережить целое утро математики, естественных наук и английского. По всем этим предметам Артур отлично успевал, когда бывал в настроении, но сегодня был определенно не его день.

Какие уроки, когда за ним гнались и едва не поймали? Наконец подошел урок физкультуры. Артур направился в спортзал, пройдя туда не через двор, а школьными коридорами. К его немалому удивлению, учеников в зале собралось на добрую треть меньше, чем неделю назад. Недоставало порядка пятнадцати ребят, и среди них – Эда и Листок.

Мистер Вейтман не слишком обрадовался Артуру. Он взял записку, прочел и отдал ее, не сказав ни слова, и повернулся к Артуру спиной. Тот остался стоять, соображая, чем ему следует заняться, пока остальные будут бежать.

– Еще есть освобождения? – окликнул Вейтман. – А где целый класс?

– Заболели, – пропищал детский голос.

– Что, прямо так все заболели? – поинтересовался физрук. – Что же, интересно, с ними будет зимой? Учтите мне: если кто вздумал шутки шутить, я не пойму!

– Нет, сэр, они в самом деле болеют, – ответил кто-то из серьезных спортсменов, чей голос для учителя кое-что значил. – Куча народа какую-то заразу схватила. Типа простуды...

– Ладно, Рик, верю, – сказал Вейтман.

Артур присмотрелся к этому Рiku. Приятный, красивый парень и явно будущая звезда спорта. Рик словно сошел с телеэкрана, шагнув в спортзал прямо из рекламного ролика про зубную пасту или беговые кроссовки. Кому и верить Вейтману, если не Рiku!

И все равно было странно, что такая тьма учеников разом свалилась с инфекцией – в такое-то время года. В особенности если учесть, что вот уже пять лет всех детей дважды в год в обязательном порядке вакцинировали от гриппа. Последняя такая прививка была сделана два месяца тому назад, и считалось, что даже серьезному вирусу ее не пробить.

Артур ощутил, как глубоко внутри зашевелилась знакомая боязнь. Та самая, что подсудно сопровождала его, сколько он себя помнил. Вот случится еще одна страшная эпидемия – и унесет всех, кого он любит...

– Добро! Приступаем к разминке! – велел Вейтман. После чего наконец-то удостоил взглядом Артура и поманил его к себе движением пальца. – А ты, Пенхалигон, посиди где-нибудь, поиграй в бирюльки... только чтобы мне сегодня без происшествий!

Артур лишь молча кивнул. Уж лучше было совсем ничего не говорить. Ему и так хватало проблем, когда другие дети принимались над ним издеваться, но с ними у него всегда был какой-никакой шанс поквитаться. Или свести все к шутке. А как поквитаться с учителем?..

Повернувшись, Артур побрел к выходу из спортзала. На полпути он услышал шаги бегущих за спиной, потом его тронули за руку. Он вздрогнул и едва не шарахнулся, вообразив на миг, что собаколицые все-таки ворвались в школу. Но нет, это была всего лишь девочка. Незнакомая девочка с ярко-розовыми крашеными волосами.

– Ты Артур Пенхалигон? – спросила она, не обращая внимания на смешки остального класса, видевшего, как пугливо вздрогнул Артур.

– Да...

– Листок прислала мне письмо на электронку, чтобы я тебе отдала, – сказала девочка, вручая Артуру сложенный бумажный листок.

Артур взял его, старательно игнорируя улюлюканье мальчишек у себя за спиной.

– Не слушай ты этих мутантов, – сказала девочка нарочито громко.

Она улыбнулась и побежала к своей компании – туда, где со скучающим видом стояли рослые, крепкие девочки.

Артур сунул распечатку электронной почты в карман и вышел из спортзала, чувствуя, как горят щеки. Он даже сам не знал, что смутило его больше: пренебрежение Вейтмана или эта записка, переданная ему у всех на глазах.

В конце концов он укрылся в библиотеке. Пришлось, правда, объяснять библиотекарше, что он освобожден от физкультуры, показывать записку. Зато потом, оглядевшись, Артур

устроился за столиком на втором этаже у окна, сквозь которое была хорошо видна улица и двор перед школой.

Первым долгом Артур устроил на столе внушительную баррикаду из толстых справочников и энциклопедий – так, что образовался отгороженный уголок. Разглядеть, что именно он читал, можно было, лишь подойдя вплотную и заглянув ему через плечо.

Только тогда он вытащил из рюкзака Ключ и Атлас и положил их на стол рядом с запиской от Листок. Почти сразу же краем глаза подметил какое-то быстрое движение, оглянулся на окошко... И точно, собаколицы были тут как тут. Как того и следовало ожидать. Они один за другим высказывали из-за деревьев, из-за припаркованных автомобилей. И выходили вперед, чтобы таращиться на окно библиотеки.

Им было в точности известно, где он находится.

Правду сказать, Артур надеялся, что почувствует себя уверенней, если сможет их видеть. Вот, мол, какой я отважный – дал им себя увидеть в окно... Получилось ровно наоборот. Его затрясло при виде этой толпы, безмолвно палившей на него снизу вверх. Спасибо и на том, что ни у кого покамест не видно крыльев – в отличие от той твари, которая ночью висела перед окном его спальни. А может, это лишь вопрос времени? Подождать немного, и крылья появятся?

Артур заставил себя отвести взгляд. «Я маленькая белая мышка. Я не позволю большой злобной кобре меня загипнотизировать. Я не поддамся и сумею спастись...»

Его жутко подмывало удрать поглубже в недра библиотеки, спрятаться за книжными полками и хоть на время обо всем позабыть. Увы, он отлично понимал: это не поможет. Ну а сидя здесь, он, по крайней мере, знал, где находятся собаколицы. Другой вопрос – что именно они собой представляют.

Подобных вопросов у Артура накопился изрядный мысленный список.

Он развернул бумажку с электронным письмом от Листок и прочел:

кому: pinkhead55tepidmail.com
от кого: raprepteam20biohaz.gov

Привет, Элли!

Это я, Листок. можешь передать месседж артуру пенхалигону? ну парню что спекся в прошлый пн на кроссе. тощий бледный ростом с эда причесон как у гэри крэга важно чтобы получил пока-пока надо бежать спасибо!

Листок.

привет арт

прости что не зашли в б-це. эд расклеился в ночь на вт потом предки оба и тетя манго (кликуха такая) я пока ОК но дом в карантине. доктора полиция костюмы биозащиты противогазы жуть! грядет новый вирус а вакцина НЕ ПАШЕТ. пока никому круто не поплохело но от эда и прочих воняет той же пакостью как от СОБАКОЛИЦЫХ какая-то связь только доктора не чувят у них химические костюмы и эд с предками тоже не чувят оно понятно все в соплях. у медиков с собой электронный нос и он показывает все ОК а я-то знаю что не ОК только мне никто верить не хочет.

прикинь вирус наверняка от хмырей я ОЧЕНЬ НАДЕЮСЬ что ты все еще можешь их видеть ты должен все раскусить ИНАЧЕ НАМ КРЫШКА!

федералы обрубали и-нет с телефоном небось бояться паники. этот месседж с планшета я стянула у доктора скоро они хватятся

мне страшно

...Вот такое письмо.

Глава 5

Мне страшно...

Некоторое время Артур просто смотрел на эту последнюю строчку, и по спине у него медленно расползались мурашки. Потом свернул распечатку и сунул ее обратно в карман. Дыхание опять начало застревать, и он поневоле сосредоточился на том, чтобы придать ему неторопливый, уверенный ритм. Медленный вдох – задержка – столь же медленный выдох... Правда, разум по-прежнему продолжал лихорадочно соображать.

Дело, похоже, обстояло еще хуже, чем ему казалось вначале.

Все страхи, которые он до сих пор довольно успешно загонял вглубь, грозили одновременно вырваться из-под контроля и вогнать Артура в нерассуждающую животную панику. Застарелая боязнь смертоносной эпидемической вспышки, помноженная на жуткие столкновения с собаколицыми и самим Мистером Понедельником...

Он и Ключа-то, если на то пошло, определенно побаивался.

«Дыши, – приказал себе Артур. – А пока дышишь – рассуждай!»

С какой стати ему вручили Ключ? И Атлас? Кто – или что – были Мистер Понедельник и личности в котелках? Была ли реальная связь между их появлением и нашествием вируса, устойчивого к вакцинам? Да и следовало ли говорить о вспышке болезни, может, затронуло лишь Эда, Листок и их семью?..

Артур покосился на собаколицых, по-прежнему торчавших под окном, и непроизвольно тронул рукой Атлас и Ключ, лежавшие на столе. Прикосновение вызвало что-то вроде электрического разряда; Атлас раскрылся с громким хлопком, от которого Артур подскочил, как напуганный котенок. Атлас же, как и раньше, принялся увеличиваться, пока не занял почти все пространство, ограниченное словарными баррикадами.

Вот только на сей раз он не предложил Артуру заново полюбоваться изображением Дома. На развороте возник набросок физиономии собаколицего – правда, без идиотского котелка, несвежей рубашки и старомодного темного костюма. Нарисованный персонаж был облачен в какое-то подобие мешка, однако рожа узнавалась сразу и наверняка. Да уж, один раз увидев, мудрено было бы не узнать!

Картинку почти сразу сопровождали слова, начертанные незримой рукой. Незнакомый алфавит не давал шанса прочесть надпись – но вот письмена стали меняться, на глазах превращаясь в самые обычные английские буквы. Ну, может, не совсем обычные – шрифт оставался старинным, непривычным для глаза, но прочесть было можно. То тут, то там возникали чернильные кляксы, и все та же незримая рука их торопливо счищала... Но наконец надпись обрела законченный вид, и Артур с понятным любопытством принялся ее разбирать.

Материалом для строительства Дома служила Пустота, и эта же Пустота служит опорой его основанию. И поскольку Пустота существовала всегда, а Дом – всего лишь вечен, его фундаменты медленно погружаются в Пустоту, из которой он создан, и Пустота постепенно вторгается в его пределы. В глубочайших подвалах, клоаках и нижних казематах Дома есть возможность соприкоснуться с Пустотой и усилием мысли придать ей форму, если только это усилие окажется соразмерно пожеланиям мыслящего. Деяние это запрещено если не законом, то по крайней мере обычаем; тем не менее к нему слишком часто прибегают те, кому никак не следовало бы этого делать. И не потому, что общение с пустотниками – особыми существами, наделенными собственной волей, которые время от времени являются из Пустоты, не

будучи обременены уважением ко Времени или здравому смыслу, – есть государственная измена.

Типичное создание, искусственно порожаемое из Пустоты, есть податель (смотри рисунок). Податель – крайне низкоуровневое существо, обычно создаваемое под какую-либо определенную цель. Несмотря на установления Изначального Закона, податели ныне нередко используются для выполнения черной работы за пределами Дома, во Второстепенных Царствах. Это связано с тем, что податели очень надежны и к тому же, не в пример большинству порождений Пустоты (равно как и представителям высших порядков из числа обитателей Дома), относительно безвредны для смертных форм жизни. Тем не менее они ограничены в своих действиях некоторыми фундаментальными запретами. Так, они не способны пересекать пороги без приглашения и могут быть легко рассеяны с помощью соли и множества других элементарных магических приемов.

Не более чем один из каждого миллиона подателей может обрести либо получить просветление превыше своего изначального статуса и получить в Доме должность. Большинство же по выполнении задания возвращаются в первобытную Пустоту, из которой их вызвали.

Ни в коем случае не следует оснащать подателей крыльями или оружием, и они всенепременно должны быть снабжены строгими и недвусмысленными инструкциями...

Тут Артуру поневоле вспомнилась та страхолюдная «морда лица», что не далее как нынче ночью плющила нос о стекло в окне его спальни, вознесенная над землей бешено работающими крыльями... Итак, кто-то уже нарушил запрет оснащать подателей крыльями. Чего доброго, у тех, что дожидаются его в школьном дворе, окажется и оружие. И почему-то Артуру не хотелось даже гадать о том, какого рода может быть это оружие...

Мальчик попытался перевернуть страницу Атласа – вдруг там обнаружится еще что-нибудь столь же полезное? Однако страница переворачиваться не желала. Листов в книге было превеликое множество, но с таким же успехом они могли бы представлять собой нерасторжимое целое. Между страницами даже ноготь всунуть не удавалось.

Отказавшись от бесплодных попыток, он снова посмотрел в окно и с некоторым удивлением убедился, что за то недолгое время, что он возился с Атласом, податели сменили диспозицию. Они встали в кружок посреди дороги и все как один смотрели куда-то вверх. Они уже вынудили остановиться сразу два автомобиля, но водители явно не понимали, что же помешало им проехать. В результате каждый валил вину на другого, и Артур даже сквозь толстый стеклопакет слышал возмущенные вопли: «Ну-ка, убирай свою консервную банку, я тороплюсь!»

А податели знай себе рассматривали что-то в небесах. Артур тоже посмотрел вверх, но ничего не увидел. Честно говоря, ему и не хотелось ничего видеть, потому что душу все основательней заполнял страх.

«Не смотри, – уговаривал дрожащий внутренний голосок. – Не видишь опасности – значит ее как бы и нету...»

«Ничего себе „нету“! – борясь с наползающим ужасом, возразил сам себе Артур. – Давай-ка лучше дыши медленно, вот так... Страхам надо смотреть в лицо. Надо с ними бороться!»

И он смотрел и смотрел, пока над кругом столпившихся подателей не полыхнула ослепительно-белая вспышка. Артур зажмурился и заслонил ладонью лицо. Когда же снова поднял ресницы, перед глазами густо роились черные точки. Ему понадобилось несколько секунд, чтобы проморгаться.

И тогда он увидел, что посередине круга, где только что было чисто и пусто, теперь стоит человек. Или... не совсем человек, ибо за плечами у этого существа были широко распахнутые

оперенные крылья. Артур снова заморгал, пристально вглядываясь. Крылья у новоприбывшего были белые, но местами их покрывали темные, очень неприятного вида пятна. Вот крылья неожиданного явления сомкнулись, прижались к спине... и пропали. На улице стоял очень красивый, рослый мужчина лет тридцати. На нем были белая рубашка с крахмальным воротничком под самый подбородок, красный галстук, золотого цвета жилетка, бутылочно-зеленый пиджак, желто-коричневые брюки и глянцевые коричневые ботинки. Подобного ансамбля никто ни на ком не видел вот уже добрых сто пятьдесят лет.

– Господи! – воскликнул кто-то за спиной у Артура. – Именно таким я всегда и представляла себе мистера Дарси!³ Этот джентльмен, наверное, артист! Иначе с какой бы стати ему так одеваться?

Это подошла библиотекаряша, миссис Бэнбер. Подошла совсем незаметно для Артура, пока тот замороженно следил за происходившим.

– А кто те странные личности в темных костюмах? – спросила она. – Таких физиономий не бывает, это наверняка грим! У нас тут что, фильм снимают?

– Так вы тоже видите собаколицых? – изумился Артур. – В смысле, подателей?

– Ну да, – рассеянно кивнула библиотекаряша. – Впрочем, если уж на то пошло, мне, похоже, офтальмолога пора навестить. Мои контактные линзы, похоже, не так хороши, как прежде. Что-то все эти типы вроде как перед глазами расплываются...

Только тут она наконец-то повернулась к Артуру и уставилась на него, окруженного крепостной стеной книг.

– Впрочем, тебя-то я вижу вполне ясно, молодой человек... А куда ты книг столько набрал? погоди, а это у тебя что?

Ее вытянутый палец указывал на Атлас.

– Ничего! – поспешно воскликнул Артур.

Захлопнул Атлас и убрал руку с Ключа. Это было явной ошибкой, ибо Атлас мигом съехался до размеров маленькой записной книжки.

– Вот это фокус! Как ты это сделал? – спросила миссис Бэнбер.

– Простите, не могу объяснить, – быстро ответил Артур.

У него просто не было времени для пререканий с библиотекаршей, потому что красавец-мужчина уже шел прямо ко входу, сопровождаемый толпой подателей. Он выглядел до некоторой степени похожим на Мистера Понедельника, но казался намного более энергичным. И у Артура не было никакой уверенности, что ограничения, сдерживавшие подателей, имели над ним какую-либо власть.

– У вас соли, случайно, нет? – спросил он в отчаянии.

– Что?.. – изумилась миссис Бэнбер. Она смотрела в окно и охорашивалась, приглаживая волосы, а взгляд сделался рассеянным и мечтательным. – Ой, он прямо сюда к нам идет...

Артур сгреб Атлас и Ключ и поспешно засунул их в рюкзачок. При этом оба чудесных предмета опять засияли, и мягкий золотистый отблеск на миг коснулся лица библиотекарши.

– Не говорите ему, что я здесь! – взмолился Артур. – Пожалуйста, ни в коем случае не говорите!

Миссис Бэнбер на какое-то время вернулась к реальности. Что подействовало на нее – мольба в голосе Артура или золотое сияние, но взгляд ненадолго утратил мечтательность.

– Не знаю, что тут происходит, но мне все это не нравится! – отрезала она. – И вообще, с каких это пор в мою библиотеку кто-то входит без разрешения? Беги в зоологический раздел, Артур, и спрячься за полками. Кто бы это ни был, я сама с ним поговорю!

---

³ Мистер Дарси – главный герой романа Джейн Остин «Гордость и предубеждение», молодой человек аристократического происхождения, благородных манер и привлекательной наружности.

Артуру повторять не понадобилось. Он поспешил прочь от окна, в лабиринты книжных стеллажей, стараясь шагать со всей скоростью, какую мог себе позволить. Получалось не очень. Астма опять скручивала легкие, лишая их способности нормально раздуваться и опадать. Вот что делают напряжение и страх. Так недолго и очередного приступа дожидаться...

Добравшись до полок с книгами по зоологии, Артур съехал за ними на корточках, устроившись таким образом, чтобы все-таки видеть сквозь щелку входную дверь и миссис Бэнбер, уже стоявшую на страже возле своего рабочего стола. Она держала в руке инфракрасный сканер и рассерженно проверяла им книги. Сканер считывал штрих-коды и поминутно пищал.

Артур снова сосредоточился на своем дыхании, пока была такая возможность. Отчего бы не надеяться, что красавец-мужчина сюда совсем даже и не войдет? Может, он останется дожидаться снаружи. Тогда Артуру удастся сбежать через служебный вход, уже замеченный в глубине помещения...

Но вот через порог легла тень, и дыхание Артура перехватило на полувдохе. Ему даже показалось, что все, кранты, приступ, но это было всего лишь мгновение страха. Он пока мог более-менее нормально дышать. Зато в дверях остановился тот самый красавец.

Вот он протянул руку в белой перчатке и отворил дверь. Еще краткий миг Артур отчаянно надеялся, что порог остановит его... Но нет. Щеголь преспокойно шагнул внутрь библиотеки. Там были установлены сканеры, призванные выявлять похитителей книг. Эти сканеры жалобно заверещали – и дружно скончались. Зеленые огоньки погасли.

Миссис Бэнбер мигом вылетела из-за стола.

– Это школьная библиотека! – ледяным тоном оповестила она незваного гостя. – Посетители обязаны сперва зарегистрироваться в главном офисе!

– Меня зовут Полдень, – ответил мужчина. Голос у него оказался глубокий, звучный, музыкальный. Как у... какого-то известного британского актера. Все равно какого. – Я – Личный Секретарь и Виночерпий Мистера Понедельника. Я разыскиваю одного мальчика – Артура.

...А язык у него был серебряный. И не только в смысле завораживающего красноречия, но и в самом буквальном. Так и сиял у него во рту. И слова производил соответствующие. Артура даже потянуло выйти из-за стеллажей и радостно объявить: «Вот он я!»

Миссис Бэнбер явно испытала сходное чувство. Артур видел, как она затрепетала и даже начала поднимать руку, как бы для того, чтобы указать Полдню нужное направление... Все-таки она справилась с собой, и рука опустилась.

– Я... мне... это не мое дело, – сказала она. Артуру показалось, что библиотекарша стала ниже ростом, а голос совсем увял. – Вам следует... следует обратиться...

– В самом деле? – спросил Полдень. – Вы не можете позволить себе даже кратенько со мной побеседовать?

– Нет, нет... – из последних сил шептала миссис Бэнбер.

– Жаль, – сказал Полдень.

Его голос сделался холодней, в нем зазвучали власть и угроза. Он по-прежнему улыбался, но улыбка стала жестокой, она кривила лишь губы, не затрагивая глаз. Он провел затянутым в белую перчатку пальцем по подставке дисплея и продемонстрировал палец библиотекарше. Белая ткань была испачкана серой пылью.

Миссис Бэнбер уставилась на его палец, как на лампочку в руке своего офтальмолога.

– Подошло время весенней уборки, – объявил Полдень. Подул на перчатку – и библиотекаршу окутало облачко пыли.

Женщина заморгала, пару раз чихнула... и свалилась на пол.

Артур в ужасе наблюдал, как Полдень аккуратно перешагивает распластанное тело и неторопливо обходит стол. Уж не померла ли миссис Бэнбер?.. Нет, вот она шевельнулась, попробовала привстать...

– Ар-тор! – негромко позвал Полдень. Серебряный язык так и сверкал. Остановившись, он подозрительно оглядывал стеллажи. – Выходи, Ар-тор! Мне всего лишь надо потолковать с тобой кое о чем...

Мгновение тишины, и снова:

– Ар-тор!

В голосе звенел такой приказ, что Артур едва не вскочил и не выбежал навстречу, выдав себя с головой... Но тут за дело взялись Атлас и Ключ, спрятанные в рюкзачок. От них исходила противоборствующая сила, этакая мягкая, успокаивающая вибрация, как мурлыканье котенка за пазухой, – и она некоторым образом нейтрализовала воздействие серебряного голоса Полдня. Артур запустил руку в рюкзак, Ключ стиснул в ладони, Атлас же сунул в нагрудный карман. Какое облегчение! Он даже заметил, что дышать стал не в пример свободнее прежнего.

Полдень нахмурился, отчего прекрасное лицо на секунду уродливо исказилось. Потом простер руку в белой перчатке и открыл небольшой шкафчик, который в тот же миг материализовался перед ним прямо из воздуха. Внутри обнаружился телефон. Совершенно доисторический аппарат с отдельным наушником и микрофоном в виде рожка.

– Мистера Понедельника, – бросил Полдень в микрофон.

Ушей Артура достигло неразборчивое бормотание из телефона.

– Это важный служебный звонок, идиот! – рявкнул Полдень. – Ну-ка, твое имя и номер?

Снова послышалось бормотание. Полдень нахмурился, потом медленно, с расстановкой, повесил трубку. Подождал и снова поднял ее.

– Оператор? Дайте Мистера Понедельника. Да, немедленно... Да, мне отлично известно, откуда я говорю! Это Полдень Понедельника... Да, спасибо. – Последовала пауза: где-то там происходило соединение. – Сэр?... Осмелюсь доложить: мальчик в ловушке!

Артур явственно расслышал зевот Мистера Понедельника, и лишь затем тот отозвался. Сказать, что его голос доносился до слуха, значит ничего не сказать. Он раскатился по всей библиотеке, отдаваясь от стен.

– Так ты заполучил Минутный Ключ? Он должен быть немедленно доставлен сюда ко мне!

– Еще не заполучил, сэр, – отвечивал Полдень. – Мальчишка прячется в... в библиотеке.

– Да плевать мне, где он прячется! – взревел Понедельник. – Принеси Ключ!

– Это библиотека, сэр, – терпеливо повторил Полдень. – Собрание печатной продукции. Мне подумалось, что и Волеизъявление может таиться где-нибудь здесь.

– Волеизъявление! Волеизъявление! Сколько можно! Уморить меня вздумал? Делай, что считаешь необходимым, и точка! У тебя неограниченные полномочия, вот и пользуйся ими!

– Хорошо бы приказ в письменном виде, – по-прежнему спокойно продолжал Полдень. – Понимаете ли, Грядущие Дни...

Послышалось нечто среднее между рычанием и новым зевком, и из трубки вылетел плотно перевязанный свиток. Полдень увернулся, отдернув голову настолько быстро, что Артур не успел уследить, и свободной рукой перехватил свиток в полете.

– Спасибо, сэр, – сказал он и стал ждать, что ему скажут еще.

Однако начальство более говорить не пожелало. Из телефона послышался лишь продолжительный храп.

Полдень повесил трубку и бережно прикрыл шкафчик. Как только дверца затворилась, шкафчик рассеялся в воздухе, словно его тут и не было никогда.

Полдень же развернул свиток и принялся читать. На сей раз улыбка, озарившая его лицо, была ненаигранной, а глаза вспыхнули красными огоньками.

– Даю последний шанс выйти по-хорошему, – проговорил он в пространство. – Предупреждаю, что теперь я могу ввести сюда подателей. И они очень скоро подадут тебя мне на блюдечке, Ар-тор.

Артур не отозвался. Полдень ждал, похлопывая себя по ляжке свитком. Тут за его спиной зашевелилась миссис Бэнбер. Дотянувшись до стола, она тоже ухватила телефонную трубку. Артур с колотящимся сердцем наблюдал за обоими, гадая, что предпринять. Броситься ли на помощь библиотекарше? Сдаться и покончить со всем? А может, если он отдаст Полдню Ключ, его таки оставят в покое?..

У миссис Бэнбер так тряслись руки, что пальцы с трудом попадали по кнопкам. Потом трубка запищала, и Полдень от неожиданности крутанулся на месте, а его крылья резко распахнулись, взвиваясь над головой. Здоровенные перистые крылья, некогда сверкавшие незапятнанной белизной, но теперь изобилующие жутковатого вида пятнами, подозрительно похожими на засохшую кровь!

И тень, отброшенная ими на бедную миссис Бэнбер, была столь же пугающей. Полдень протянул руку, напряг пальцы... В его ладони возник огненный меч и обрушился на телефон. Пылающее лезвие тотчас расплавilo аппаратик, а бумаги на столе дружно вспыхнули. Библиотекарша отшатнулась – и рухнула возле входа, а к потолку поплыли клубы дыма.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.